

Анастасия Андрианова

С К В О З Ъ Т О П Ь И Т У М А Н

The book cover features a central illustration of a woman with long, wavy red hair and a somber expression. She is dressed in a dark red, long-sleeved gown with a high collar and a dark capelet over her shoulders. She holds a small, dark object in her right hand. The background is a misty, teal-colored forest with dark, silhouetted trees and foliage. Small, glowing orange lights are scattered throughout the scene, particularly around the woman and in the background. The overall mood is mysterious and atmospheric.

Анастасия Александровна Андрианова

Сквозь топь и туман

Серия «Young Adult.

Книжный бунт. Новые сказки»

Серия «Сонные топи», книга 1

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70320187

Анастасия Андрианова. Сквозь топь и туман: Эксмо; Москва; 2024

ISBN 978-5-04-199421-1

Аннотация

Роман Анастасии Андриановой, автора книг «Песня чудовищ», «Пути волхвов» и «Мёртвое Царство».

С приходом ночи болота оглашаются воем упырей, и беда тому, кого темнота застанет в пути. Год назад болотные твари утащили младшего брата Мавны, Раско, и вся её жизнь переменилась: мать слегла от болезни, старший брат стал нелюдимым и вспыльчивым, а сама Мавна будто оледенела, разучилась радоваться. Однажды в деревне объявляется незнакомец и дарит Мавне лягушачью шкурку, а вместе с ней – надежду, что Раско еще можно спасти. Мавне придётся шагнуть за ограду, в стылый туман, и лишь Покровители знают, кто встретится ей на этом пути.

Шаг за околицу – в пугающую неизвестность. Шаг на земли, где ничто не защитит от упырей. В топях сгинул младший брат Мавны, Раско. Туда ведёт её лягушачья шкурка, подаренная незнакомцем. Тревога стискивает сердце, и только искорка надежды помогает Мавне идти вперёд.

В истории тёплые и уютные сцены контрастируют с мрачными и жуткими. Фэнтези, прошитое мотивами хорошо известных славянских сказок. Оригинальная интерпретация упырей и авторский мир! Сможет ли Мавна найти брата и вернуться домой?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	24
Глава 3	41
Глава 4	59
Глава 5	74
Глава 6	88
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Анастасия Андрианова

Сквозь топь и туман

© Андрианова А. А., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

*Моим первым читателям из чата-болотца.
Вы прекрасные!
Спасибо, что шли со мной
сквозь топь и туман.*

Глава 1

Русалий день

У всего есть конец. И даже этот день, растянувшийся вялой мутной рекой, обязательно когда-то закончится.

Мавна доплетала венок: веточка пижмы, стебелёк полыни, невзрачный колосок мятлика. Пальцы уже стали зеленоватыми и липкими от травяного сока, венок пах горьким и свежим. Скрепив края травинкой, Мавна откусила длинный кончик стебля и уложила венок себе на колени.

Он вышел неказистым, тусклым, даже не мог ровно лежать: постоянно чуть заваливался набок. Сизо-зелёные стебли, будто покрытые пылью, небрежно сплетались, словно давно не чёсанные волосы, из украшений – только нераспустившиеся мелкие бутоны пижмы, бледно-жёлтые искорки в зелёной оправе. Мавна удовлетворённо вздохнула. Она того и добивалась: сплести такой венок, чтобы привлекал как можно меньше взглядов.

Берег реки наполнился запахами: илистая прель, дым кост-

ров, доцветающая липа. И сладкие, принесённые из деревни ароматы выпечки, первого весеннего варенья и девичьих венков.

До заката было ещё далеко, но небо уже наливалось розовым и серо-лиловым, облака окрашивались в цвет спелых груш, и ветки прибрежных ив выделялись особенно чётко. Мавне показалось, что они похожи на кривые когти, тянущиеся к воде.

– Всё-таки ты не стала стараться? – разочарованно протянула Купава, склоняясь над Мавниным венком. – Ну как знаешь.

Мавна вяло улыбнулась подруге и повела плечом, разглядывая свой некрасивый венок.

– Я же говорила. Никто не должен захотеть его поймать.

Купава попыталась надеть на голову Мавны свой венок, пышный и воздушный, похожий на кружево из лютиков и колокольчиков. Мавна осторожно увернулась.

– Не надо.

– Ты была бы красавицей, если бы надела его. Подойдёт к твоим каштановым волосам.

– К чёрным всё-таки лучше. – Мавна устало поджала губы, скрывая раздражение. – Я не хочу об этом, перестань, пожалуйста.

Купава хмыкнула и как ни в чём не бывало надела свой венок. Он и правда ей очень шёл: золотые лютики горели светлячками среди гладких тёмных волос, а колокольчики

оттеняли синеву глаз.

Мавна поднялась на ноги и огляделась украдкой. На неё посматривали: кто с жалостью, кто с плохо скрываемой злостью, а иные оценивающе, с любопытством. Кругом шумели: кто пел, кто смеялся, кто просто громко разговаривал.

Русалий день всегда казался Мавне странным праздником. В этот день вспоминали заложных покойников, тех, кто умер не своей смертью. А вечером девушки пускали венки, чтобы парни, стоя ниже по течению, их ловили. По обычаю парень, поймавший венок, должен начать ухаживать за той девушкой, которая его сплела, но это условие уже давно не соблюдалось: самые глазастые запоминали, как выглядит венок их ненаглядной, и вылавливали именно его. Иногда за венки разгорались нешуточные сражения. Мавна помнила, как несколько лет назад один юноша даже захлебнулся в реке, и уже в следующий раз его поминали на Русалий день. Такой уж обычай: память о мёртвых смешивалась с радостью живых.

Но сегодня ей больше всего хотелось вернуться домой, уткнуться лицом в подушку и выть, вспоминая Раско...

Рука Купавы легла Мавне на плечо.

– Ты не обязана была приходить. И ещё можешь уйти домой. Скажи, что плохо себя чувствуешь. Или что забыла вынуть из печи хлеб. Или... да мало ли причин?

Мавна обернулась на подругу и качнула головой.

– Нет. Останусь до конца. Не нужно, чтобы обо мне и о

родителях шептались.

Она опустила ресницы, чувствуя, что щёки начинают краснеть от досады. И без того шепчутся. Уже год как шепчутся.

– Подумаешь! Пусть себе шипят. А как хлеба свежего захотят, так сразу к вашей лавке побегут. Ты в следующий раз так и скажи: будете волками смотреть – плюну в опару и не будет мне совестно! Прежняя Мавна так бы и поступила.

Последние слова Купава произнесла с отчётливой горечью. Мавна взяла её за руку и стиснула пальцы. Как жаль ей стало подругу. Как жаль, что она сама стала лишь тенью себя прежней. Когда-то весёлая, громкая, смешливая, полная, а теперь – притихшая, осунувшаяся, с заметно впалыми щеками... Даже ходить стала крадучись, будто боялась, что лишний раз привлечёт чей-то взгляд.

– Прости меня. Я не хотела.

Купава усмехнулась:

– Никто бы на твоём месте не хотел. Ясно как день.

У самого большого костра затрубили в рог, запели свирели. Купава вытянула шею, с прищуром вглядываясь в даль, и потянула Мавну в ту сторону.

– Идём. Раз решила остаться, сделай вид, что тебе весело и ты ещё можешь плясать.

Купава будто хотела сказать что-то ещё, но осеклась и мотнула головой. Мавна поняла, что могла бы добавить подруга: *«Раско бы это понравилось»*.

Раско любил танцевать. И праздники тоже любил. А ещё больше музыку и сладости, которые приносили на любое торжество. Мавна зажмурилась до рези в глазах и позволила Купаве увлечь себя к костру.

* * *

Тогда, накануне Карачунова дня, все деревенские девки собрались в светёлке у старухи Малицы – гадать на женихов. Даже восьмилетние дочери духовника, которым ещё бы учиться да взрослеть, прибежали и с затаённым восторгом забились в уголок, стреляя блестящими чёрными глазами: страсть как хотелось послушать про других, да и о своих суженых узнать.

В тот вечер Мавне было не до гаданий: всего шесть лун прошло с того дня, как пропал брат, и она сидела как тень, почти не шевелясь, прижавшись боком к боку Купавы. Но не прийти было нельзя, даже мать наставляла: иди и сиди вместе со всеми, покажи, что мы не поникли головами и живём так же, как вся деревня. Найдётся Раско, и мы встретим его горячими пирогами и свежим мёдом, примем в убранной избе и затопим баню, а для того нужно, чтоб день за днём проходили как прежде, в рутинных заботах.

*Но нет-нет, да и мерещился тонкий голосок: «Ма-а-авна!», зовущий с болот, и Мавна вздрагивала, беспокойно ози-
ралась по сторонам и с горечью понимала: нет Раско, давно*

уж нет, и это она недоглядела, а родителям так и не призналась.

Девки в светёлке загалдели, повскакивали с лавок и столпились вокруг Малицы. Все нарядные, румяные, косы до пояса, на шеях и ушах лучшие украшения из разноцветных глиняных бусин. Кунава потянула её за руку, Мавна вяло шевельнулась и поддалась, они пересели поближе, чтоб на них не шипели, но и в толпу лезть не стали.

Старуха поставила на стол ушат воды и подожгла свечу – настоящую, восковую, сберегла для девичьих гаданий. Да что там – после сегодняшнего вечера ей столько медяков дадут, что купит себе ещё дюжину свечей. Девушки зашумели пуще прежнего, повизгивая в предвкушении, затолкались.

– Так любопытно, – шепнула Кунава.

– Шу, курицы говорливые! – шикнула Малица и притворно спрятала свечу за спину. – Не успокойтесь – никому гадать не стану! Себе жениха напророчу, а вам – шии.

Старуха показала девушкам кукиши и беззубо улыбнулась. Шум поутих, сменился возбуждённым перешиптыванием. Почти все собравшиеся были младше Мавны – от восьми до семнадцати лет, и смотрели на старшую соседку с жалостью, от которой становилось тошно и горько во рту. Кунава была одного с ней возраста, но ей не доставалось сочувствующих взглядов, все и так знали, что красавица Кунава найдёт себе любого мужа, какого пожелает.

Мавна с тоской повернулась к окну: в тёмном проёме,

расписанном морозными узорами, виднелись точки-звёзды. Скорей бы всё закончилось. Вот бы Малица позвала её первую держать свечу, да не дадут ведь, будут толкаться и пихаться, требовать, чтоб им первым погадали – а то ведь нужно ещё бежать петь по дворам и гулять с парнями, пока ночь не опустилась. А Мавне на что? Мавна не торопится, всегда сидит, будто варёная. Ей с парнями не гулять, ей домой нужно, чтоб грустить и молчать, как привыкла.

– Ну, ласточки? – Малица обвела глазами девок, наслаждаясь тем, как они млеют и быстро дышат от нетерпения. – Кто первой будет?

Она нарочно томила, тянула, пока не указала смуглым сморщенным пальцем на чернокосую красавицу Тану. Никто не стал спорить: Тану в деревне уважали за её красоту, за богатство отца-купца, за крутой нрав. И так всем было ясно, выйдет она замуж за Касека, с которым гуляет уже второй год, потому что Касек высоченный, широкоплечий, весь в коричневых веснушках, а отец у него – умелый бортник, который устраивал такие глубокие дупла, что внутри уместился бы пятилетний ребёнок.

Тана нетерпеливо выхватила свечу из рук Малицы. Огонёк дрогнул, но не погас. Тана наклонила свечу над ушатом, и воск закапал в воду. Девки ахнули, вытянули шеи, всматриваясь: похожа фигурка на Касека? Или хотя бы на пчелу? Но только Малица умела читать по восковым каплям, съезживающимся на воде.

– Говори, – тихо потребовала Тана.

Старуха склонилась над ушатом, едва не окунаясь в него носом. В светёлке стало неестественно тихо, только иногда шуриали платья и срывался вздох у какой-нибудь особенно нетерпеливой девушки.

Мавна не знала, сколько времени прошло. Ей было скучно, даже тоскливо, и мгновения казались непомерно растянутыми. Наконец Малица вскинула голову и произнесла:

– За богатого выйдешь. И красивого.

Тана вздёргнула нос и села на место, свысока глядя на подружек. Они загалдели, стали лгнуть к ней, будто бы впервые слышали такое предсказание и невероятно обрадовались. Мавна не удержалась от вздоха.

– Давай ты теперь.

Малица поманила Кунаву. Та чмокнула Мавну в висок, разъединила их сплетённые пальцы и осторожно, почти ласково взяла свечку. Капнула.

Наклонившись над водой, Малица снова стала всматриваться в комок воска. Катала ушат и так, и так, пока не подняла голову на Кунаву.

– Вижу красивого мужа. Скоро. Будете сидеть под чёрным деревом, и ветки у него будут доставать до земли.

Кунава повела плечами, и даже у Мавны пробежал по спине холодок.

– Какая-то глупость. – Кунава смешиливо сморищила нос, снова садясь рядом. – Не собираюсь я скоро замуж. Не за

кого мне.

Мавна хотела напомнить, как Кунава вздыхает по её брату Илару, весьма красивому, между прочим, но не успела.

– Ты следующая, подходи.

Два десятка пар глаз повернулись к Мавне. Она и не поняла, что Малица подзывает именно её.

От взглядов – снова чужих и сочувствующих – в груди набухла тяжесть. Мавна встала, оправила платье и безучастно взяла свечу из протянутой руки.

Ей было всё равно, кого ей напросят. Всё равно, будет он бедняком или богачом, хромым или ловким, старым или молодым. Всё равно, если ей вообще не видать замужества. Какая из неё получится жена – вечно тоскующая и будто замёрзшая? Что за жена, вскакивающая на кровати в холодном поту из-за того, что вновь приснился крик брата?

Воск потёк по пальцам, горячий, но не обжигающий. Закапал медовыми каплями в воду, скорчился и застыл на поверхности. Девушки снова приподнялись, заглядывая в ушат: про Мавну-то интересней было узнать, чем про Тану, с той и так всё ясно.

– Ши! – Малица пригрозила девкам и сама склонилась над водой. – Не галдите, сорочата.

Вновь потянулись мгновения, тягостные, тяжёлые. Мавна переступила с ноги на ногу: отпустила бы уж домой, лечь бы в постель и забыться гнетущим чёрным сном...

– А твой... – протянула с сомнением Малица после мину-

ты молчания. — Будет твой...

— Рыбаком? — почему-то пискнула одна из младших девочек, и на неё зашипели, чтоб молчала.

— Не-а, — отрезала Малица и подняла на Мавну влажный, полный тревоги взгляд. Она помолчала ещё немного, глядя в лицо Мавны, будто силилась разглядеть в ней что-то неведомое. Наконец, шмыгнув носом, Малица тяжело изрекла: — Твой будет утопленником.

В светлице поднялся визг, все лица прежнего уставились на Мавну, но уже не с мрачным сочувствием, а со сладостным ужасом. Мавна медленно повела заостренными плечами. Ей вдруг стало ещё холоднее.

— Утопленником так утопленником, — равнодушно проговорила она и вышла из светёлки. Купава тоже встала и побежала за подругой, а вслед им понеслись ахи и шепотки.

* * *

У костра гремела музыка, в вечернее небо то и дело взмывали искры и взрывы хохота. Как, должно быть, прекрасно каждый вечер вот так выходить из домов и делать то, что вздумается, а не сидеть по дворам... Мавна сама удивилась этой своей мысли: наоборот, мечтала же поскорее очутиться дома. Но мрачное колдовство этой ночи, приправленное вдруг острой радостью пляшущих, хмельных парней и девушек, словно очаровало и её тоже. Купава засмеялась, глядя

на подругу.

– Вот видишь, тут здорово! Давай, потанцуй с кем-нибудь.

Эти слова подействовали на Мавну как ушат холодной воды. Она остановилась и выпустила руку Купавы.

– Ну уж нет.

Купава пожала плечами:

– Насидишься ещё дома. Все мы насидимся.

Она была права. Лишь несколько ночей можно было не боясь проводить вот так: всем вместе, на улице, под небом. Но уж если кто отважится выйти завтра, то с наступлением темноты в нежное людское горло вопьются когти и зубы упырей, и никто не станет жалеть глупца, который не думает своей головой. В черте деревни ещё спасла бы стена-ограда, но вот за околицей, как сейчас, точно никто бы не спасся, и не было бы весёлого праздника.

Мавна зажмурилась, представляя черноту – она всегда так делала, когда нужно было изгнать из мыслей всё лишнее. На неё налетела танцующая пара и, извинившись, со смехом убежала дальше. После этого танца нужно было пускать венки, и только сейчас Мавна вспомнила, что до сих пор сжимает свой, а руки у неё пропахли полыньёю.

Когда всех позвали к реке, Мавна позволила другим девушкам пройти вперёд: они понеслись, только пятки засверкали. Купава задержалась, чтобы пойти вместе с Мавной. Мимо них с достоинством прошествовала Тана, гордо неся на голове роскошный венок из нераспустившихся кувшинок,

веточек мяты и тугих спиралек орляка.

– Хорошо, что ты всё-таки пошла с нами, – тихо сказала Купава.

Мавна не ответила.

Они пропустили всех, кто рвался пустить свой венок по речному серебру. Парни, вооружившись длинными палками, галдели ниже по течению, а когда вылавливали что-то, горланили и смеялись так громко, что закладывало уши. Девушки визжали от радости, если их венки ловили. Пару раз даже слышался оглушительный плеск: кто-то падал в воду, но, к счастью, совсем рядом с берегом.

Мавна подождала, пока Купава опустит в воду свой венок, и тогда бросила свой. Последний раз в нос ударил резкий полынный запах, и нечто, больше похожее на гнездо из зелёных стеблей, поплыло по реке, неуклюже цепляясь за камыши. Мавна вздохнула: вот сейчас застрянет и пойдёт на дно. Ей не хотелось смотреть, как венок тонет, пусть даже она намеренно сплела его таким несурзным.

– Пойдём, – сказала она Купаве. – Посмотрим, кто выловил твой.

– Да мне как-то всё равно. Илар сидит дома сычом, – пожаловалась Купава. – Он ещё невыносимее тебя.

Мавна посмотрела на неё с укором, но ничего не сказала. Неужели Купаве правда нравился её старший брат? Хотя многие девушки наверняка считали его красавцем. Да только нравом уж больно крут.

Остаток праздника Мавна провела в стороне, на краю поляны. Угощалась, слышала музыку, наблюдала за красивыми танцующими парами и вежливо отказывала, когда кто-нибудь приглашал её на танец. Купава вроде бы не сильно расстроилась из-за того, что Илар так и не пришёл, и даже потанцевала пару раз с Мальвалом, который выловил её веночек, а потом, извинившись перед ним, ушла помогать тётке собирать оставшуюся снедь.

Попрощавшись с подругой, Мавна поднялась и встала лицом в сторону реки. Наблюдать, как опускается мглистый вечер, перерастающий в студёную ночь, было упоительно настолько, что у Мавны защемило в груди. Она запрокинула лицо, жадно вдыхая воздух, весь сотканный из вечерних запахов: дым, река с волглыми берегами, свежая трава, нежный аромат цветочных венков и – если принюхаться – что-то дикое, терпкое, отдающее землёй и незнакомыми пряностями. Что-то опасное, от чего лишь сильнее захватывало дух. Вот бы Раско тоже сейчас сидел рядом с ней...

Голоса замолкали, праздник угасал, люди удалялись обратно в деревню. Многие – парами, держа в руках венки, с которых ещё капала речная вода. Коротко обернувшись, Мавна вздохнула: в иной год она бы подивилась, насколько таинственно-чудесны сумерки, но теперь мысли вились сплошь мрачные, как стаи ворон.

Подол платья отяжелел от росы и прибрежной влаги. Река журчала сбоку, тихая, робкая, петляющая между опушками

сизых трав и острыми стеблями молодого рогоза. Мавна задумчиво, как во сне, шагнула вдоль берега. Ещё бы минутку вот так постоять, в тишине вдыхая сладко-прелые ароматы...

Вспомнился собственный венок, нарочито неказистый, неприглядный. Никто так и не выловил, хотя Мавна точно знала, что в деревне нашлось бы по крайней мере трое парней, которые могли бы попытаться добиться её внимания. Она того и хотела, но отчего-то – вопреки голосу разума – стало обидно за свой венок, от которого ногти до сих пор отливали зеленцой, а пальцы чуть слипались, если их сжать посильнее.

Взгляд сам заскользил вдоль берега, по мерцающим дрожащим дорожкам речного течения. Может, венок где-то зацепился и замер, слившись цветом с травой? Или унесло его дальше, к другим деревьям... Зачем-то хотелось взглянуть на него ещё разок, напоследок.

В заводях реку затягивал ковёр ряски, а мимо неслись, кружась, водовороты и вихри течений. От воды тянуло холодом: речка узкая, перепрыгнешь, если захочешь, а до дна далеко, оступишься, и утянут омуты, хлынет в грудь ледяной поток. Счастье, что сегодня никто не захмелел настолько, чтоб свалиться в воду.

Воздух впереди дрогнул рябью: не то туман, не то зябкий ветер. Послышался лёгкий плеск, будто мелькнула серебристым боком крупная рыбина. Мавна обернулась и замерла,

стиснув пальцами платье у бёдер.

Заросли молодого рогоза шевельнулись, и оттуда с плеском показался парень. Мавна сперва подумала, что это кто-то из их деревни: мало ли, загулялся так же, как она сама. Но парень шагнул в сторону, так что острые листья больше не мешали его разглядеть, и Мавна поняла: незнакомец. Не очень высокий, стройный, как ивовый прутик, совсем молодой. В сумерках его волосы, едва закрывающие уши, казались серебристыми, нос, скулы и подбородок резко очерчивались тенями. С одежды парня стекала вода, штаны и рубашка до пояса промокли так, хоть выжимай. Но больше всего Мавну удивило то, что он держал в правой руке. Её венок.

Заметив её, незнакомец дёрнул уголок рта и выставил перед собой свободную руку, будто хотел успокоить. Мавна и сама поняла: наверняка она выглядит напуганной.

– Добрый вечер, – мягко произнёс он. – Не поздновато для прогулок?

Мавна сделала полшага назад, не сводя глаз с парня.

– Я тебя не знаю.

Он усмехнулся:

– Как и я тебя. Видел лишь мельком на празднике. Я оттуда. – Он махнул рукой за реку, к холму.

– Из Ежовников? – недоверчиво спросила Мавна.

– Скажешь, что не стоило приходить?

Мавна вглядывалась в его лицо, пытаясь припомнить, видела она его на празднике или нет. Черты лица парня бы-

ли невыразительными, светлые волосы, бесцветные глаза, на щеках ни кровинки. Худой, с узкими плечами, такого не заметишь в толпе. Хотя Мавна и не пыталась никого примечать, весь праздник только и думала о том, как бы поскорее оказаться в тишине. Наверное, он и правда плясал вокруг костров, не воспрещено же...

– Отчего же. Мне нет до того дела. Ходи куда хочешь.

Взгляд вновь вернулся к венку, который незнакомец продолжал крепко сжимать. Вода капала с растрепавшихся пижмовых стеблей, на листья намотались комочки ряски с тонкими белыми корешками.

Проследив за её взглядом, парень хмыкнул и приподнял венок повыше.

– Твой?

Мавна сглотнула и поспешно мотнула головой.

– Губы поджимаешь. Точно твой. Что кривишься? Не понравился?

– Доброй ночи, – грубовато ответила Мавна и развернулась. Почему-то сердце заколотилось громче, почти у самого горла.

– Я зайду на днях? Где ты живёшь?

Не отвечая, Мавна прибавила шаг. Хоть бы не стал догонять...

Не стал.

– Отчего ты так поздно? – Не успела Мавна тихонько прикрыть за собой дверь, как перед ней вырос Илар. – Уж хотел искать идти.

Мавна насупилась, зыркнула на него из-под опущенных ресниц.

– Не маленькая. Нечего искать.

Илар скрестил руки на груди и будто бы стал ещё выше ростом. Он и так был широкоплечим, высоченным, с тяжёлым пронзительным взглядом серых глаз. Мавна не могла его винить за настойчивость, хотя и очень хотела поспорить. Илар тогда первый бросился искать Раско, облазил все болота, сам едва не потонул... От него потом с месяц несло тиной, и до сих пор Мавна, бывало, слышала, как брат за стенкой просыпается с криком, а потом, полежав минутку в тишине, идёт в сени греметь ковшиком и плескаться холодной водой.

– Все уже вернулись, – буркнул Илар.

– И я вернулась. Пропусти.

Мавна проскользнула мимо брата, коротко стукнула в родительскую дверь и ушла к себе.

Через окна, выходящие на две стороны, в покои заглядывала ночь. Летом небо даже в полночь оставалось серым, не то что в тёмные зимние времена, и звёзды сверкали яркими точками там, где мглистый сумрак переходил в зеленоватое

послезакатное марево.

Сразу за деревней виднелись чёрные пики елей, упирающиеся макушками в небо, а за ними в просвете – бескрайние болота с морошкой и клюквой... Смотреть туда Мавне было больно, и она отвела взор.

Со всех сторон деревню окружала стена из высоких заострённых брёвен, кое-где на них висели козлиные черепа, иные уже истёртые ветром, дождём и временем так, что остались одни рога. Этому местных научили чародеи удельного отряда, мол, нежити неповадно будет бросаться на ограду. Почему козлиные черепа могут напугать нежаков и нежичек, Мавна не понимала, да и никто в деревне, должно быть, не понимал. Бортник Греней говорил, будто даже от костей козлиных несёт так, что у нежити издали свербят носы, но с ним мало кто соглашался: черепа всё-таки совсем не пахли. Хотя кто эту нежить знает, всё у них не как у людей...

Выдохнув, Мавна отвернулась от окна. На сердце было тяжело, и, медленным движением стянув ленту с кончика косы, она принялась готовиться ко сну, хотя знала, что, даже если заснёт, ей почти наверняка приснится Раско.

Глава 2

По дороге в сумраке

В лавке едва ощутимо пахло закваской, сладко – сушёной клюквой, пряно – тмином, но сильнее всего был запах свежее испечённого хлеба и румяных, с коричневыми округлыми верхушками, караваев.

Мавна вытерла руки о передник и устало привалилась боком к стене. Сегодня торговля пойдёт бойко: после праздников люди всегда выстраиваются за хлебом. А едва она продаст последний каравай, как нужно будет вновь месить тесто и плести толстые булки-косицы, чтобы везти завтра на торг.

Перед лавкой уже собрались люди, гомонили и переговаривались. С утра, как всегда, деревенские жаждали свежего хлеба и сладких булок, а иные чего поизобретательнее – на этот случай Мавна всегда пекла пару дюжин зарумяненных до корочки, политых блестящей глазурью печатных пряников.

Мать занималась хозяйством, готовкой да скотиной, отец

мастерил бочки и корзины на продажу, и так вышло, что в пекарской лавке чаще всего работали Мавна с Иларом. Брат с помощницей Айной принесли полные подносы сдобных венков, усыпанных маком и ореховым крошечком: вчера отмечали Русалий день, пуская венки, а сегодня надо заесть такими же венками, вспоминая умерших и непременно оставив им в углу кусочек.

Мавна похлопала себя по щекам, чтобы они стали хоть чуточку румянее, и натянула на лицо вымученную улыбку. Нужно продать скорее всю свежую выпечку, чтобы успеть приготовить новую для торга.

Шагнув из сеней на открытое крылечко, Мавна обомлела. Перед лавкой выстроились сплошь парни, и лишь несколько стариков, сбившись в кучку, неодобрительно зыркали на шумную молодёжь.

При виде Мавны голоса притихли.

– Чего замолчали? – рыкнул Илар, с грохотом поставив поднос со сдобными венками. Несколько колотых орешков осыпались на пол.

– На сестрицу твою залюбовались! – нагло ответил долговязый рыжий Гард, самодовольно ухмыляясь. Раздался гогот, кто-то даже присвистнул.

Мавна замерла, как белка на ветке. Первое, что ей захотелось, – это юркнуть обратно в избу, спрятаться от глаз и переждать, пока сердце не уймётся. Щёки сами собой стали горячими и, конечно, красными.

– Так покупай каравай и любуйся исподтишка, – буркнул Илар, и Мавне показалось, что его голос прозвучал чуть мягче.

– Гард просто хочет проверить, правда ли то, что к ней ночью нежак приходил, – выкрикнул с дальнего ряда Мальвал. Смешки сразу стихли, у лавки повисло напряжённое молчание.

Мавна вскинула руки к груди и уцепилась пальцами за бахромчатые завязки, спускающиеся с воротника рубахи. Сердце заколотилось как бешеное, захотелось скрыться с глаз, но ноги не слушались, будто приросли к полу. Айна ускользнула, кинув последний любопытный взгляд на собравшихся парней, а лицо брата медленно и страшно побледнело. Он стиснул челюсти так, что заиграли желваки. Взгляд померк, остекленел, пальцы сжались в кулаки. Мавну замутило: ничего хорошего эти перемены не предвещали.

– Нежак? – хрипло переспросил Илар, спускаясь по ступеням к парням.

– Ну так... – Мальвал сразу растерял половину своего запала, заёрзал, но ему не дали отступить, подтолкнули в спину.

– Нежак был, Мальвал говорит! Венок её поймал. Или чем другим приманила? Теперь все болотники жениться сбегутся!

Илар напрягся, собрался в комок, а через мгновение в один прыжок кинулся на Мальвала и размашистым ударом

в челюсть повалил того с ног.

Мавна прижала ладонь ко рту. Крика и так не получилось, только сдавленный писк: она давно разучилась кричать, а иногда ей казалось, что никогда и не умела.

Парни бросились разнимать: схватили Илара за плечи, но он с таким лютым остервенением вбивал Мальвала в грязь, что вытоптанная земля у хлебной лавки уже окропилась кровью. Мальвал хрипел, сучил ногами, рвал рубашку на Иларе, но тот будто озверел, и даже трое смельчаков не могли оттащить его.

– Илар, – осторожно позвала Мавна. Наконец-то она смогла пошевелиться, будто вид крови и разъярившегося брата смог её растормошить. – Илар! Прекрати. Не надо. Они же шутят!

Брат перестал колотить Мальвала. Парень стремительно вскочил на ноги и, сплюнув на землю сгусток крови, в котором почти наверняка был зуб, ядовито процедил:

– Урод ненормальный.

– Кто ещё? – выкрикнул Илар, сжимая окровавленные кулаки. – Ну?

Старики, недовольно поджав губы, двинулись прочь от лавки. Мавна взмолилась, чуть не плача:

– Илар, миленький, успокойся! Всех нам распугаешь. Кому караваи продавать?

Брат быстро обернулся, смерив Мавну презрительным острым взглядом, и вновь повернулся к парням, которые

продолжали насторожённо стоять, будто всем было просто любопытно поглазеть, что будет дальше.

– Что ещё скажете? – Илар с вызовом вскинул подбородок.

– Так правда кто-то нежака видел, – буркнул Гард. – С венком. Чем это твоя Мавна его привлекла? А с деревенскими парнями не гуляет, всё нос воротит.

– Ничего я не... – ахнула Мавна и залилась краской.

Илар вновь на неё обернулся:

– Иди в дом.

Уходить Мавне теперь не хотелось: при ней Илар хоть как-то держит себя в руках, а стоит ей уйти, как бросится цепным псом. Мало того, если сильно кого-то изобьёт, но так ведь и собралось тут полдеревни, как бы его самого не покалечили. Мать этого точно не переживёт. Да и сама Мавна тоже.

– Я-то пару раз пытался с ней договориться, – обиженно прищёлкнул языком Алтей, высокий кудлатый парень. – Сестрица твоя красива, но как ни подойдёшь – она ни жива ни мертва.

В горле у Мавны стало горячо и сухо. Алтей и правда часто приходил за хлебом и караваем, заводил с ней отвлечённые разговоры, но разве можно было догадаться, что он не просто языком чешет, а приходит как парень к девушке... Мавне он никогда не нравился. Да и другие тоже. Выросли высоченные, мосластые и широкоплечие, а ума так и не нажили: как были мальчишками, так и остались.

Илар сжимал и разжимал кулаки, его ноздри раздувались, как у быка. Мавне было страшно: за брата, за этих глупых деревенских парней, за себя... И за мать, которой непременно расскажут, о чём толковали утром у лавки – о родной дочери. И о каком-то нежаке, которого она видеть не видела.

Или всё-таки видела?

Кто-то заметил её с незнакомым парнем, ясное дело. Но что за разговоры про нежить? Где это видано, чтобы нежак разговаривал с человеком? Да ещё и в белёсых сумерках Русальей ночи, когда все без страха могут выходить за околицу и гулять допоздна. Нет, тот вчерашний незнакомец совсем не походил на упыря, так, обычный тощий мальчишка. Кто-то наверняка даже назвал бы его симпатичным. Но спутать его с нежаком... Кому такое вообще могло прийти в голову?! Разве что сослепу. Или кто-то захотел ей, Мавне, насолить и распустить о ней слухи?

– Идём в дом, – процедил Илар сквозь зубы, резко развернувшись.

– Ч-что?

В несколько шагов подойдя к Мавне, он больно ухватил её за запястье и потащил в сени. Беспомощно обернувшись, Мавна увидела только, что деревенские, не дождавшись больше ничего интересного, начали разочарованно расходиться.

Дверь захлопнулась за спиной. После яркого дневного света в полумраке сеней ничего нельзя было разглядеть, но

Мавна слышала, как тяжело дышит Илар.

– Больно, – шикнула она.

Илар отпустил её запястье.

– Это правда? – спросил он.

– Ты о чём? Что ты на меня набросился?

Илар рыкнул и ударил кулаком в стену.

– Не прикидывайся! О нежаке. Правда? Ты видела кого-то за деревней? И говорила с ним?

Мавна издала сдавленный смешок:

– Ты глупец, если так думаешь, Илар.

– Моя сестра даёт поводы для пересудов. Что я должен думать?

– Хотя бы мог не верить первым встречным. – Мавна обиженно скрестила руки на груди и привалилась спиной к стене. Наедине с Иларом ей было куда спокойнее. Конечно, брат ярился, но ей он всё равно ничего не смог бы сделать. Только не ей.

– Они не первые встречные. Я знаю их много лет. Да и ты тоже.

– Что с того? Все любят почесать языками.

Илар шагнул к Мавне так, что едва не столкнулся с ней, и навис, всматриваясь в веснушчатое, побледневшее лицо сестры. Мавна сглотнула, но продолжила упрямо смотреть на Илара.

Он заскрежетал зубами и отвернулся.

– Не веришь мне? Вот так сразу и готов прислушаться к

ерунде? Подумай лучше сам, откуда тут нежаки? Да и... Я бы сразу убежала, если бы увидела хоть одного. Они ведь пугалища. И говорить не умеют. Это глупости, Илар.

Мавна протянула руку и осторожно стиснула запястье Илара. Тот прерывисто вздохнул и прижал ладонь к глазам. На костяшках виднелась засохшая кровь Мальвала.

– Ладно... Ладно, хорошо. Ты права. Нежака не спутаешь с человеком. Наверное, кто-то вчера выпил лишнего на празднике, вот и привиделось.

Мавна слабо улыбнулась. Ей было неприятно думать, что брат с такой лёгкостью принял на веру небылицу о ней и нежаке. По коже пробежали мурашки: кому такое вообще могло прийти в голову? Какая нелепая, злая шутка.

– Иди помоги Айне напечь караваев на торг. Я постою в лавке, – буркнул Илар и оставил Мавну в сених одну. Она заметила, что уши брата стали алыми – не то от злости, не то от смущения.

* * *

Едва рассвело, ко двору заехал Греней. Мавна помнила его ещё худым и безусым – лет так пятнадцать назад бортник качал её на коленках, а десятилетний Илар бегал показывать ему фигурки, которые пытался мастерить из глины и палок. Сын Гренея, Касек, был на пару лет старше и презрительно фыркал, глядя на поделки Илара.

Увидев зевающую Мавну, бортник усмехнулся, сверкнув дыркой вместо зуба – как сам говорил, свалился с сосны, но вся деревня знала, что зуб ему выбили в пьяной драке. Мавна всегда удивлялась Гренею: они жили богато, дети и жена Греней ходили в лучшей одежде, а сам он постоянно носил одну и ту же льняную рубаху да грубые штаны. Увидишь такого в толпе на торгу и сунешь в руку медяк, приняв за ничего.

– Давай, грузи свои каравай.

Греней махнул рукой на телегу, где для товара Мавны предусмотрительно оставил место – среди своих бочонков с мёдом, бутылок медовухи и ящиков, полных восковых свечей.

Всю дорогу до города Мавна куталась в платок. Весна затянулась, и сейчас, в самом начале лета, ночи всё равно стояли студёные. С болот тянуло сырым землистым духом, вдоль дорог стелились туманы, и даже жерлянки¹ пели неохотно, будто через силу.

День выдался прохладным, но солнечным. Мавне нравилось приезжать в Берёзье: людей тут было много, и торговля шла бойко. Отец каждый месяц платил за место на торгу в хлебном ряду, а по соседству торговали сладостями: пастилой, повидлом, мочёными ягодами – где-то там стоял и Греней со своим мёдом. На излёте лета на сладкое слетелись бы

¹ Жерлянки – небольшие лягушки, издающие необычные звуки, похожие на пение.

осы, но сейчас дул зябкий ветер, и Мавна даже пожалела, что не захватила платок потеплее.

Обратно выехали уже поздно, день перевалил за половину, и Мавна пошла поторапливать Гренея: тревожилась, как бы ночь не застала в пути. Грней отшучивался, мол, лошадка сейчас понесёт налегке так быстро, что ветер засвистит в ушах.

Мавна распродала все караваи и ехала, спрятав за пазухой кошель, плотно набитый монетами, но у Гренея осталась пара бочонков с мёдом: цену он заломил нешуточную, мёд-то последний оставался, а до нового урожая ещё далеко.

– Солнце-то как быстро под горку катится, – вздохнула Мавна, тревожно провожая взглядом город.

– Ничего-ничего, не переживай, девочка. Управимся до темноты. А коль что, так чародеи подсобят.

Мавна только снова вздохнула.

Когда нежить только-только начинала лютовать вокруг сёл, люди пытались защищаться как могли: наговорами и оберегами, ходили к знахарям, в дорогу с собой брали ножи или хотя бы заточенные колья. Быстро поняли: от оберегов нет никакого толка. Тогда стали собирать дружины, которые стерегли деревни с наступлением темноты. Нежить после этого и правда присмирела, несколько лет почти не докучала, зато потом вновь наплодилась и осмелела.

Тогда и появились в удельных землях чародейские отряды. Говорили, что и раньше они патрулировали дороги и

окрестности, но в основном наблюдали за землями, где больше всего водилось нечисти. Но когда нежить распоясалась до того, что стала кидаться на людей и бродить по деревням, заглядывая ночами в окна, чародеи начали появляться и у сёл тоже. Они и научили людей обносить все поселения высокими заборами, но ни оружия, ни оберегов не дали. Мавна нередко злилась: что за чародеи-защитники такие? Сами-то как-то справляются с нежаками, а простым людям не могут подсказать. Мало ли народу погибает? Кого-то, как маленького Раско, утаскивают на дно болот и прудов, у иных просто выпивают всю кровь в жилах, до последней капельки.

Лошадка тянула телегу вовсе не так скоро, как обещал Греней, но бортника это, казалось, нисколько не беспокоило. Он бубнил под нос какую-то песенку, гоня травинку из одного угла рта в другой. Мавна снова вздохнула.

После торга совсем не осталось сил. Горло ныло от целого дня болтовни, голова налилась тяжестью, а сгущающийся сумрак нагонял тревогу. Песенка Гренея вовсе не вязалась с невесёлым настроением Мавны. Ей хотелось подстегнуть его: как-то пару раз она ездила на торг с Касеком, и сын бортника быстро правил своим ретивым конём, при этом телега у него совершенно не вихляла и не подпрыгивала на кочках.

Лошадка Гренея вдруг зафыркала и замедлилась, а потом и вовсе попятилась, упершись крупом в телегу. Греней вскинул поводья и прицокнул языком, но на лошадку это никак не подействовало.

– Чего это с ней? – Мавна затянула концы платка и вытянула шею, вглядываясь вперёд.

– Ума не приложу... – пробормотал бортник.

Дорога вилась бледно-серой лентой, с двух сторон подступал редкий лес, а небо в просветах между ветками казалось прозрачной ручьевой водой: разбелённое, голубовато-зелёное, высокое. И тут Мавна поняла, что солнце уже зашло.

Со стороны леса слышались зычные свистящие звуки, затрещали ветки. Мавна сжалась в комок, в ушах заухало – так колотилось сердце, что кроме его ударов ничего нельзя было разобрать.

– Да что ж... ещё ж не ночь глухая, – крикнул Греней, натягивая вожжи. – Н-но!

Лошадь испуганно заржала и понеслась быстрее, телега стала подпрыгивать, попадая колёсами в дорожные лужи. Мавна вцепилась в свой платок изо всех сил, будто именно он мог её спасти от падения и от того, что завывало в чаще.

– Сейчас проскочим, девочка, – успокаивающе бурчал Греней. – То волки, наверное. А быть может, просто ветер разбушевался.

Мавна только сдавленно хмыкнула в ответ. Слова застряли в пересохшем, горячем горле: нет, это не волки и не ветер. Как Греней вообще мог такое думать? Наверное, просто так брякнул, чтобы она не визжала и не пугала лошадь ещё сильнее. Конечно, он же не дурак и не первый год живёт на свете. Волки воют иначе. И ветер не может свистеть так над-

сально и злобно, что в жилах стынет кровь. Только одни существа издают такие звуки: яростные, ледяные, пронзительные. Иногда они подбираются к околице совсем близко и завывают до рассвета, то прищёлкывая, то заливаясь свистом. Тогда и собаки и петухи замолкают, не в силах пошевелиться от ужаса, а матери шепчут над детьми защитный наговор, зная, что он вряд ли поможет.

Упыри.

Стремительная тень кинулась на дорогу со стороны перелеска, а за ней ещё три или четыре. Лошадь заржала громче. Грней ловким движением отстегнул постромки – Мавна даже не поняла, как это произошло, должно быть, бортник предусмотрел и такую возможность. Телега прокатилась пару мгновений сама, а лошадь галопом кинулась дальше по дороге.

– Под телегу! Живо!

Грней, растрёпанный, с расстёгнутым воротом, тяжело дышал и протягивал Мавне руки.

Упыри не бросились за лошастью – на что им животное, когда рядом сладко пахнет человеческой кровью? Четыре твари окружили телегу и медленно приближались, разевая зубастые пасти и издавая жуткие скрипучие звуки.

Мавна сжалась в комок. Её колотило, она не могла даже протянуть руку в ответ Грнею. Тело будто задеревенело и отказывалось слушаться.

Упыри двигались медленно, как звери, окружающие жерт-

ву. Кожистые костлявые тела выглядели отвратительно, угловатые конечности – не то лапы, не то искорёженные руки и ноги – передвигались рвано и неправильно. Из разинутых пастей капала слюна, и до Мавны доносился её запах – смрад крови и порченого мяса.

Ближайший упырь не выдержал и прыгнул Гренею на грудь. Грней упал на дорогу, и остальные нежаки будто сорвались с цепи. Мавна закричала и скинула на упырей пустую бочку, но та отскочила от тощей спины и покатилась по дороге прочь. Упырь поднял уродливую голову: не то чело-вечье лицо, не то собачья морда с крошечными злыми глазами и остриями зубов. Оскалившись, он собрался, чтобы броситься на Мавну, но тут его горло прошила горящая стрела. На дорожную пыль брызнула чёрная вонючая кровь, упырь упал и задёргался, захлёбываясь рыком.

Другие упыри бросились врассыпную, но один за одним падали от стрел. Последнему всадник размозжил голову ударом кистеня, и все четыре твари замерли в дорожной пыли. Мёртвые.

Мавна, тяжело дыша, всхлипнула и перегнулась через борт телеги.

– Г-грней?

Телегу окружили всадники на резвых разгорячённых конях. Мавна растерянно подняла голову: все незнакомцы были мужчинами, а о конские бока бились привязанные к сёдлам козлиные черепа.

«Чародеи», – поняла Мавна.

– Порядок, – прохрипел Греней и показался из-за телеги.

– Вам нужна помощь? – спросил один из чародеев, подавая Гренею руку. – Девушка не пострадала?

– Можно было спросить это у меня, – проговорила Мавна. – Нет. Не пострадала.

Чародей повернулся к Мавне, будто впервые по-настоящему ясно её увидел. Глаза у него были странные: без зрачков, сплошь лунно-серебристые, будто выгоревшие на солнце, и Мавна поспешила отвести взгляд.

– Почему-то её не тронули, – заметил второй чародей, помолже. – Обычно упыри выбирают самую сладкую кровь. А тут – предпочли возницу. Странно.

– Странно, – подтвердил белоглазый.

Греней наконец-то взобрался обратно на телегу. Мавна кинулась его осматривать – нет ли ран? Одежда бортника была местами потрёпана, на рубаше виднелись распоротые дыры от когтей, на коже – ссадины, но в остальном вроде бы Греней остался цел, не считая испуга.

– Вот же ж твари, – повторял он, отряхиваясь. Короткие пальцы, испачканные в пыли и земле, дрожали, усы возмущённо топорщились. – Чуть только стемнело... Тут как тут...

– Будьте впредь осторожнее, – предупредил старший чародей таким тоном, будто отчитывал провинившихся детей. – Никаких поездок после заката. Ночуйте на постоянных

дворах. Вам повезло, что мы оказались поблизости.

– Да ясное дело... Благодарю. Шкуру мою спасли. И девочкину. Возьмите вот мёда. Дорогуший нынче.

Греней суетливо потянулся к бочке, но чародей остановил его, тронув за плечо.

– Не стоит. Где ваша лошадь?

Греней закрутил головой, будто только сейчас понял, что они остались в телеге посреди дороги, ещё и в сумерках.

– Я... отпустил её.

– Зачем?

– Чтобы... отвлечь их. Думал раньше, ремни пристегну к шлее, такие, чтоб быстро отстегнуть можно было, самому на спину прыгнуть, а телегу оставить и быстрее умчаться. А тут... девочка, как оставить одну? – Он положил руку на затылок, растерянно заморгав, и добавил уже совсем беспомощно: – Ну... хоть лошадку спас. Сглупил, признаю.

Младший чародей хохотнул, но белоглазый прервал его.

– Больше так не поступай. Упырям не нужны животные. Они питаются человеческой кровью. И только ею. Как теперь вы будете добираться домой?

Греней обернулся к Мавне.

– Добираться? А и правда... Ох, старый я дурак...

Мавна положила руку ему на плечо.

– Не переживай. Доберёмся.

Старший чародей вздохнул, молча спешил и впряг своего коня в телегу, а сам устроился на облучке.

– Откуда вы?

– Так... из Сонных Топей, – пробормотал Греней.

Мавна сжалась в углу, спрятала ладони под мышками. Греней сел рядом, покряхтывая и растирая руки. Костяшки у него были содраны, одежда местами разорвалась. Мавна хотела бы его приобнять и пожалеть: досталось старику, тут и молодой бы перепугался до смерти, но сама не могла даже пошевелиться, будто оледенела. Из головы не шли вопли нежаков, стоило моргнуть – и перед глазами вставали чёрные брызги упырячьей крови. Если бы хоть капля её попала на кожу, получился бы гнойный нарыв. Ещё и этот чародей, тоже страшный и молчаливый, с козлиным черепом у седла...

Мавна разглядывала его прямую широкую спину и затылок. Волнистые светло-каштановые волосы свисали до плеч, одежда во мраке казалась то ли тёмно-бурой, то ли грязно-багряной. Трое других чародеев окружили телегу и, не спрашивая ничего, двинулись следом за своим предводителем.

«Что будет, если мы так заявимся в деревню? – с тоской подумала Мавна. – Сколько дней все будут это обсуждать?»

Глава 3

Свидание

Обсуждали и правда долго. Но Мавна с удивлением поняла: ей всё равно. Она почти привыкла к тому, что за её спиной постоянно доносятся шепотки, а стоит ей обернуться, как все поспешно отворачиваются, будто и вовсе не смотрели в её сторону.

Охрану деревни усилили. Помимо привычных дозорных выставили дополнительные отряды: с вечера мужчины по очереди уходили к ограде – не за околицу, просто стояли у границ деревни и слушали до рассвета: не послышится ли за переливами жерлянок и пением соловья мерзкий скрежещущий упырячий вой?

Мавна привычно провожала Илара в дозор. Брат собирался молча, стиснув зубы. Резким движением забросил лук за спину – на миг под рубахой проступили крепкие мышцы, сунул за пояс нож и охотничий рожок. В груди у Мавны сжалось: если придут упыри, разве успеет подойти подмога? Что

толку дуть в рог? Она видела их: стремительные свирепые тени, отвратительные, не люди и не звери, сплошные сгустки ярости.

– Осторожнее, пожалуйста, – попросила Мавна.

Илар замер и обернулся. Его губы дрогнули в улыбке, на щеках, покрытых светлой щетиной, выступили ямочки.

– Не волнуйся, сестрёнка. – Илар с нежностью приложил ладонь к лицу Мавны, и она ощутила, какая грубая кожа у него на руке. – Не впервой же. С пятнадцати лет хожу – и ничего, живой.

Он кивнул на крынку молока, накрытую свежим, ещё тёплым ломтём каравая. Мавна засуетилась: чуть не забыла отдать, хороша сестрица.

– Держи, держи. – Она поспешно сунула ужин Илару в руки. Каравай качнулся, и было слышно, как плеснулось молоко, ударяясь о стенки крынки.

– Спасибо. Ну, спи крепко, сестрёнка. Я посторожу.

Илар снова ободряюще улыбнулся, а у Мавны от его бравады сжималось сердце. Одно хорошо: Илар не увидит во сне Раско и не вскочит с криком, потому что вовсе не будет спать.

– Сразу зови подмогу, если что.

– Непременно.

Илар поправил лук и шагнул с крыльца. Мокрая от росы трава прильнула к его ногам, оставляя влажные полосы на штанах. Несколько шагов – и широкоплечую фигуру брата

скрыл туман.

Вздохнув, Мавна поёжилась: из-за тумана вечер был особенно влажный и студёный. Она уже и не помнила, когда были тёплые вечера. Наверное, прошлым летом всё-таки были... Но с тех пор минули осень, долгая зима и затянувшаяся весна, и нос Мавны, казалось, постоянно мёрз.

Развернувшись к двери, Мавна оступилась. На крыльце сидела лягушка и пристально смотрела на неё золотистыми глазами. Лягушка как лягушка: буро-землистая с крапинами по бокам. Тельце едва заметно вздымалось от дыхания.

– Иди домой, – шепнула Мавна. – Тут тебе не болото. Болота за околицей.

Лягушка не пошевелилась. Мавна огляделась – не видит ли кто, что она беседует с лягушкой? – и присела рядом.

– Или ты тоже боишься выходить за околицу? Да ну нет. Чародеи говорили, упыри не едят зверей. Им нужна человеческая кровь. Чтобы жить. Но разве это жизнь? Носиться стаями и вопить, выслеживая добычу.

Её передёрнуло от отвращения. Лягушка издала короткий звук, напоминающий смешок, и прыгнула, скрываясь в зарослях сныти.

Мавна постояла ещё немного. Воздух был плотным, душным, пропитанным влагой, будто не стоишь на улице, а плывёшь. Вдалеке послышался свист: дозорные собирались вместе и обменивались короткими фразами. В избах горел свет – все сельчане закончили вечерние дела и спрятались по до-

мам. Наверняка пряха Гина сейчас укладывает своих детей и рассказывает им сказку про полуночницу, которая скребётся в окна и забирает тех, кто не спит по ночам...

Мавне захотелось сходить к Купаве, посидеть у свечи и поговорить о всякой ерунде, может, даже выпить чаю с сушёной земляникой. Она вздохнула: наверное, мама будет переживать, что и Илар, и Мавна ушли на ночь глядя. Лучше потерпеть до утра или сходить в другой вечер, когда Илар останется дома.

Мавна собралась вернуться в дом и лечь спать, как вдруг что-то шевельнулось сбоку, в кустах. Замерев, она повернулась и едва не ахнула: перед ней стоял тот самый юноша, который поймал её венок в ручье.

В сумерках его кожа казалась молочно-белой, даже голубоватой, глаза нездорово поблёскивали. Мавна недоверчиво нахмурила брови.

– Откуда ты взялся?

Юноша улыбнулся – так же блёкло, как выглядел сам.

– Я тут давно. Просто не хотел мешать.

Мавна нахмурилась ещё сильнее. Она точно знала, что, кроме них с Иларом, тут никого не было. Зачем он врёт? И как смог так бесшумно подкрасться?

– Ты мне не нравишься, – проговорила Мавна. – Лучше уходи. Иначе я подниму крик.

Юноша примирительно поднял ладонь, а потом провёл пятернёй по светлым волосам, взъерошивая их ещё сильнее,

прямо как Илар. Мавна чуть смягчилась: всё-таки незнакомец выглядел почти мальчишкой, вполне себе безобидным, хоть и чудным.

– Не нужно кричать. Я ничего тебе не сделаю. Просто хотел увидеться.

Мавна обрадовалась, что в сумерках он не увидит, как на её щеках загорелся румянец. Она осторожно спросила:

– Для чего это тебе со мной видаться?

– Так может, ты мне понравилась.

Мавна поперхнулась и кашлянула в кулак.

– Довольно шуток. Уходи. Не стоит шататься по дворам ночами. Я уже иду спать.

Юноша шумно вдохнул носом и заозирался по сторонам, будто впервые осознал, где находится. Мавна искоса рассматривала его лицо: чуть курносый нос, впалые щёки, бледные губы. Не красавец, конечно, да и слишком худой. Но что-то в его облике притягивало взгляд. Он двигался резко-вато, то щурил, то широко раскрывал глаза, будто хотел приметить в деревенских видах что-то новое. Мавна хмыкнула: точно чужак, свой бы так не пялился. Только откуда он такой тут взялся?

– Ты чей? – спросила она. – Я не видела, чтобы ты приходил за хлебом.

– Так я... у Журков гощу. Брат я... троюродный.

– Откуда?

– Так из... Береговки.

– Я думала, в прошлый раз ты говорил про Ежовники.

Мавна склонила голову и задумалась. Да, вполне вероятно, что к соседям вдруг приехал кто-то погостить. Тогда понятно, почему она раньше не видела этого парня.

– И всё равно уже поздно. Тебе лучше уйти.

Он кисло кивнул:

– Я зайду завтра?

Мавна поколебалась. Рука так и тянулась к двери, но разворачиваться спиной и прятаться в доме было бы неприлично: парень вроде бы неплохой, только странный. К тому же знает, где она живёт, вдруг разозлится и в следующий раз что-то сделает?

– Ну... посмотрим.

Парень кивнул, серьёзно, без тени улыбки, развернулся и зашагал прочь. В полумраке Мавна разглядела, что у пояса у него висел какой-то тёмный лоскут, вроде сухого листа, не рассмотреть. Скрипнула и закрылась калитка, ухнула в вышине сова. Мавна немного постояла, вдыхая влажный душистый воздух. Дозорные молчали, спящую деревню окутала тишина, значит, по крайней мере, сейчас всё спокойно и хорошо.

* * *

– Неужели правду говорят про твой венок? – протянула Купава и перекатилась на живот.

Мавна недобро покосилась на подругу, но та была такой безмятежной, так мечтательно жевала травинку, а лютики в чёрных волосах так ярко горели искорками, что ворчать перехотелось. Мавна неохотно ответила:

– Не знаю, что говорят. Наверное, какую-то ерунду.

– Ну как же ерунду? Про женишка-а... – Купава хитро протянула последнее слово и подпёрла кулаком щёку, глядя на Мавну с прищуром. Тень от длинных ресниц расчертила её лицо тонкими полосками. – Расскажи сама. Кто таков? Откуда?

Мавна обхватила плечи руками, ёжась, будто в солнечный день вдруг озябла. Ей совсем не было весело, как Купаве. Наоборот, по шее пробежали противные мурашки.

– Всё-таки про женишка? А про н... нежака... говорили что-то?

Купава отмахнулась:

– Да какого нежака. Откуда тут нежак? Наши мужики никого в деревню не пустят, разом голову снесут. Это мальчишки напридумывали ерунды.

– Но всё-таки я слышала... – вяло возразила Мавна.

– И я слышала. Много кто слышал. Но Илька им пригрозила не болтать попусту и не говорить такие жуткие вещи, а то дети услышат и спать перестанут. Кому нужна полная деревня неспящих детей?

Мавна стиснула губы. Ей не понравилось, как Купава уведила разговор в сторону.

– Илар побил Мальвала. За то, что тот при всех сказал о нежаке.

Она внимательно посмотрела на Купаву. Подруга иногда гуляла с Мальвалом, но скорее просто от скуки и когда была в подходящем настроении.

– О-ой, видела я, какой он стал некрасивый. – Купава разочарованно вздохнула. – Пришёл тут, а у самого глаз заплыл и зуба нет. Я даже рассмеялась: себя-то видел? А пришёл, пошли гулять, мол. Как же. Засмеют, если с таким «красавцем» увидят.

– И ты отказала? – Мавна издала смешок.

– Ещё бы. Отказала, конечно. Ну ещё и потому, что сплетни о тебе распускает. Хуже девки склочной. Так что Илар правильно поступил.

Мавна вздохнула, вновь вспомнив брата, яростно кидающегося в драку. Она не могла согласиться с Купавой: вряд ли такое поведение можно было назвать правильным.

– С чего он вообще взял, что тот парень – нежак... Ничего не понимаю.

Купава снова махнула рукой:

– Ой, да не слушай. Ты что, мальчишек не знаешь? Позавидовали, стали трепаться. Они-то наверняка все хотели бы, чтобы ты с ними погуляла. А ты ни в какую.

Мавна шутливо ткнула Купаву пальцем в бок:

– Прекрати! И вовсе они такого не хотят. Мало в деревне девчонок, что ли? Зачем им я? Они ко мне за хлебом при-

ходят.

– Ну давай посмотрим. – Купава перевернулась на спину и выставила вверх руку, загибая пальцы. – Красавица – раз. Печёт лучший на много весей хлеб – два. Спокойная, умная – три.

– Купава! – Мавна схватила её за руку. – Прекрати. Пожа-луйста. Это ты красавица и умница, а я самая обычная. Ещё и нелюдимая. Таких не очень жалуют. Так что здесь какая-то другая причина. Может, они правда видели нежака, пока я говорила с обычным парнем? Где-то в кустах, например, мог затаиться. Да ну, ерунда какая-то.

– Так лучше расскажи, какой он. Красивый? Высокий? А плечи широкие?

Мавна слегка улыbnулась: такой забавной стала Купава, так засуетилась, подсаживаясь поближе. Но вспомнила незнакомца и вновь поёжилась.

– Не особо. Бледный, худой.

Купава хихикнула:

– Так может, его кормят плохо? Отъелся бы на твоих караваях. В другой раз угости женишка.

Мавна хмуро взглянула на подругу и опустила глаза.

– Ну уж нет. Не хочу я никого угощать. Кому нужно хлеба – те пускай покупают. Мука нам тоже не даром достаётся.

Купава сморщила красивый нос с веснушками – бледными, как капли морошкового сока, тогда как у самой Мавны с приходом лета веснушки на щеках стали яркими, рыже-ко-

ричневыми.

– Какая ты скучная. Неужели тебе самой неинтересно?

– Что неинтересно?

Купава заговорщически сощурилась. Её живое лицо ни на миг не оставалось неподвижным, она постоянно то улыбалась, то хмурилась, то забавно поджимала губы. Мавна иско-са любовалась ею, такой настоящей и красивой. Стан у Купавы тоже был загляденье: тонкая талия, крутые бёдра и высокая грудь. И Мавна в былые времена завидовала ей, потому что сама всегда была полноватой и вялой, но уже год у неё совсем не оставалось сил для зависти.

– А вот своими глазами увидишь, – сказала Мавна и сама себе удивилась. – Он обещал прийти сегодня. И ты приходи. Посидим у меня до вечера, а потом, глядишь, и... придёт.

Мавна покраснела и отвернулась. Впервые она заговори-ла и подумала о ком-то *так*: о том, что *хорошо бы, чтобы он пришёл и Купава его увидела*. Притом она не была даже уверена, что тот юноша ей хоть сколько-нибудь нравит-ся. Бледный, болезненный даже, какой-то нервный и стран-ный... Нет, и вовсе даже такой не может никому понравить-ся. Мама бы сказала: ни кожи ни рожи. И всё же... что-то заставляло думать о нём вновь и вновь, и Мавна злилась на себя за это.

Купава едва не взвизгнула от радости и кинулась обни-мать подругу. Мавна поначалу противилась, но наконец за-смеялась и в ответ чмокнула её в щёку.

– Как здорово! Поверить не могу! Мне так любопытно, так любопытно!

– Да брось. Сама поймёшь, что смотреть там не на что.

Купава цокнула языком:

– Ой да пря-ям уж. Ко мне-то Вейка пытался ходить. Спроведила я его, конечно. Но пару дней забавлялась. Вот уж где точно смотреть не на что.

– Помню, помню! – Мавна усмехнулась себе под нос. Вейку уж точно нельзя было назвать красавцем, даже её бледный вечерний гость смотрелся бы рядом с нескладным и прыщавым гончаром, который к тому же ещё и заикался, настоящим царём.

Неохотно, но всё же согласившись, она взяла Купаву под локоть, и они вместе пошли к дому.

* * *

Вечер наползал на деревню медленно, неспешно укутывал мягкой мгlistой шалью. Небо сперва позолотело, затем позеленело, а потом с болот поднялся такой плотный туман, что огоньки в окнах соседских домов казались размытыми, будто глядишь на них из-под полуопущенных век.

На столе чадили свечки, толстые, пахнущие мёдом. Грeнeй знал толк в свечах и варил для соседей только самые лучшие: поставишь несколько таких, и гореть будут долго, освещающая всю комнату. О потолок с глухим стуком бился мотылёк.

Купава в который раз нетерпеливо выглянула в окно.

– Ну, когда он там?

Мавна пожалала плечами. Чай в её кружке уже остыл, и она успела десять раз пожалеть о своём решении. Конечно, сидеть за пастилой с подругой было приятно и уютно, но какой-то незнакомец, которого они ждали, мог вдруг разрушить весь этот хрупкий уют и сделать тёплый дружеский вечер... непонятным. Мавну пугали неизвестность и собственная смелость. Показать красавице Купаве безымянного доходягу? Что с того, что он поймал венок? Может, случайно выловил посмотреть, приняв клубок стеблей за сбитое сорочье гнездо.

– Потихе, – устало попросила Мавна и украдкой обернулась на дверь, ведущую в родительские покои.

Если мать встанет и увидит, что Мавна с Купавой разговаривают во дворе с незнакомым парнем, да ещё и после заката... Конечно, мать может обрадоваться: в кои-то веки дочь заинтересовалась свиданиями, но, скорее всего, просто надерёт ей уши и запретит встречаться с подругой ближайший месяц. После пропажи Раско настроение матери менялось так быстро и резко, что нельзя было предугадать, расплечется она или разозлится.

– Ла-адно. – Купава вновь села на место. – Но всё же... Ай! Идёт кто-то! Он?

Настала очередь Мавны подниматься и выглядывать в окно.

У плетня маячила одинокая фигура. Туман размывал очертания, разбелял молоком все цвета, и парень казался сотканным из сумрачного света. По коже Мавны отчего-то пробежали мурашки, и она засуетилась.

– Да, будто бы он.

– Пошли.

Подруги, стараясь не шуметь, выскользнули за порог.

Парень, завидев Мавну, подался вперёд, но когда заметил Купаву, остановился, чуть сгорбился, сунул руки за пояс.

– Привет, – хитро сощурилась Купава, а Мавна не успела и рта раскрыть.

– Вечера, – странно поздоровался парень.

Мавна осталась топтаться чуть позади, не выходя за плетень. Так и стояли: парень – снаружи, подруги – во дворе. Повисла тишина, только за околицей привычно заливались лягушки.

Мавне показалось, что сегодня её новый знакомый выглядит получше, чем в прошлые разы: глаза сияли бледной зеленью и уже не казались запавшими, на щеках вроде бы даже заиграл румянец. Может, он болел, а сейчас поправился?

– Что молчишь, женишок? – едко протянула Купава, и Мавна едва сдержалась от стога. Вот умеет же она всё портить!

– Же... Кхе-кхе, – парень закашлялся в кулак.

– Купава просто ветренная. Не обращай внимания, – пода-ла голос Мавна.

– Я-то ветреная? А ты тогда глупая, даже имя у него не можешь спросить. – Купава толкнула подругу в бок и мило улыбнулась парню. – Как тебя зовут? А то ходишь тут, ходишь, а имени не говоришь. Не положено так у нас. Раз поправилась девушка, то будь добр и представься.

Мавна прижала ладони к щекам: горели, конечно же. Ей было так стыдно за Купаву, что она думала потихоньку спрятаться в доме и не выходить до утра.

Парень хмурился, поджав губы, и стрелял недовольным взглядом то в Мавну, то в Купаву.

– Я бы хотел поговорить *с тобой*, – с нажимом произнёс он, указывая на Мавну.

– Ах, какой деловой! А ты знаешь, что у неё есть старший брат? Который свернёт твою цыплячью...

– Купава, прекрати! – взмолилась Мавна. – Вы, оба. Не смейте собачиться. Если мама проснётся, то поднимет шум на всю деревню. Пойдём лучше в сторонку отойдём. Не нужно под окнами ругаться.

Парень удовлетворённо кивнул, а Купава, фыркнув, перекинула толстую косу на спину и гордо прошла за оградку.

Вечер густо пах крапивой, дикой мятой и болиголовом – ничего нового, но каждый раз Мавна не могла надышаться. Туман лип влагой к волосам, от росы подол платья быстро намок и стал приставать к ногам. По улице мигали огоньки: горели у оконцев свечи, чтобы отпугивать полуночников и мелкую пакостную нечисть.

– Далеко не пойдём, – спохватилась Купава, когда они дошли до пустыря, поросшего кипреем: в середине лета тут колосятся розовые цветы высотой в человеческий рост, а пока только поднимались зелёные ростки. За пустырём начинался забор с козлиными черепами.

– Имя скажи, – напомнила Купава парню, скрещивая руки на груди.

Он сглотнул, покосился на Мавну и наконец выдавил:

– Варде.

– Хотя что-то из него вытянули, – фыркнула Купава.

Мавна ободряюще кивнула парню:

– О чём ты хотел поговорить?

Купава, задрав нос, отступила на два шага назад, будто сделала одолжение: говорите, мол, так и быть, но буду смотреть в оба. Без неё Варде осмелел, тронул Мавну за локоть и повернул так, чтобы Купава не видела их лица. Мавна засмущалась, и, заметив это, Варде отдёрнул руку.

– Я... поймал твой венок, – напомнил он.

«Вот так, с наскока», – недовольно подумала Мавна.

– Поймал.

Варде усмехнулся, в глазах заплясали искорки.

– Значит, теперь ты можешь стать моей невестой.

– А могу и не стать, – отрезала Мавна.

– Можешь не стать, – согласился Варде и чуть склонил голову, рассматривая Мавну. – Но мне было бы приятно видеться с тобой. Хотя бы изредка.

– Ты пытаешься за мной ухаживать? – прямо спросила Мавна.

Она надеялась, что парня смутит этот вопрос и он отстанет, но Варде мигнул и спокойно ответил:

– Может быть.

Мавна раскрыла рот, но не смогла ничего сказать. Такого ответа она точно не ожидала: думала, стушуеться, начнёт мяться, как все другие парни, а этот говорил прямо и совсем без стеснения, будто ему было не двадцать, а по меньшей мере вдвое больше. Она потупила взгляд, собираясь с мыслями, но скоро вновь посмотрела на Варде. Кажется, он ждал ответа. И выглядел... снова лучше, чем в прошлый раз. Сумеречный свет окутывал его светлые волосы, заставлял лицо сиять, а в уголках глаз затаились смешливые морщинки. Он не нервничал, просто терпеливо ждал.

– Ну... – Мавна едва не закашлялась. Собственный голос показался ей противным и скрипучим. – Я могу подумать? Да и ты... Может, не станешь спешить?

Варде пожал плечами:

– А я и не спешу.

– Может, тогда придёшь днём... Застанешь брата...

Мавна лепетала всё подряд в надежде, что Варде наконец-то струсит и передумает.

– Постараюсь, – уклончиво ответил он.

«Сработало», – подумала Мавна.

– Эй, ребята! Темнеет уж, – напомнила Купава. Наверное,

ей надоело ждать в стороне, переминаясь с ноги на ногу, или же любопытство стало совсем нестерпимым. — Пойдём по домам, Мавна.

— Был рад встретиться, — быстро произнёс Варде и протянул Мавне руку.

— Тогда... Увидимся?

Она сжала протянутую ладонь и удивилась: кожа была прохладная.

Они разошлись по разным сторонам, и сколько Мавна ни оглядывалась, не могла рассмотреть тот момент, когда Варде свернул на соседнюю улицу.

— Ты видела? — зашипела Купава прямо на ухо, едва Мавна поравнялась с ней.

— Что видела? — заторможенно переспросила Мавна.

— На поясе! Ну!

Мавна снова обернулась, но уже никого не увидела. На поясе?.. Кажется, там было что-то бесформенное, похожее на крупный сухой дубовый лист. Больше она ничего не запомнила.

— Это лягушачья шкурка! — горячо зашептала Купава, увлекая подругу дальше по улице.

— И что с того?

— Как что? Шкурки... Кто носит лягушачьи шкуры? Ай, пустая твоя голова! С утра пойдём к тётке Ильке. Вот уж кто расскажет тебе про лягушачьи шкурки!

Купава ещё долго ворчала и возмущалась, но Мавна вновь

ушла в себя. Ей не было дела до того, что там носит этот чудной Варде – и так ни с того ни с сего прибавил ей головной боли. Ну, сегодня она хотя бы узнала его имя.

Глава 4

Три обличья смерти

Ночью Мавна ворочалась. Никак не шли из головы эти проклятые лягушачьи шкурки. Почему Купава так переполошилась? Хотя это всё-таки странно: носить такое сомнительное украшение. Но с другой стороны, носят же чародеи козлиные черепа. Вдруг Варде тоже из какого-то чародейского отряда? Их же множество, на каждый удел по два-три, а сколько всего в государстве уделов, Мавна понятия не имела: точно больше, чем пальцев на обеих руках.

Утром, едва управившись с тестом, Мавна сняла передник и вышла из пекарской. Заглянула на кузнечный двор за Купавой, и подруги деловито отправились к деревенской окраине.

Тётка Илька жила в конце улицы, прямо у околицы. Про неё всякое болтали, например, будто нежить унесла её ребёнку и мужа и с тех пор она тронулась умом. Мавна никогда не спрашивала, но к Ильке относилась с теплом: она всегда

исправно платила за хлеб, не прося в долг, и к тому же покупала маленькие булочки с сушёной черникой и зёрнами, чтобы кормить диких птиц.

Вероятно, Илька могла знать что-то про лягушачьи шкурки – у крыльца у неё часто лежали птичьи перья, а над калиткой висели камушки со сквозными дырками, надетые на бечёву: таких оберегов больше ни у кого в Сонных Топях не водилось. Да Купава уверенно посоветовала идти именно к ней.

Илька сидела на скамье, сбоку от своей избы. Прямо над ней склонялась калина, вся усыпанная белыми шапками цветов, и накрывала Ильку словно пологом. Из-за теней на лице и руках Мавне на миг показалось, будто вместо кожи у Ильки чешуя, но видение тут же растаяло, стоило ветру колыхнуть ветки. Тени перебежали на стену избы, расчертив её узорами.

– Тёту-ушка-а, – лукаво пропела Купава и присела к Ильке на скамью. Мавна осторожно проскользнула к скамейке, чтобы не поломать соцветия калины, которые так и льнули к плечам.

– Проходите, родимые.

Илька дружелюбно похлопала по скамейке, приглашая и Мавну сесть. От улыбки Ильки на душе стало теплее: будто она сидела тут и только их двоих ждала.

– Как караваи, Мавнушка? Пекутся?

– Пекутся, тёть Ильк.

– Это хорошо. – Она кивнула и повернула остроносое, как у маленького зверька, лицо к Купаве. – А ты? Всё хвостом вертишь?

– Ой, куда уж мне, – смущённо мурлыкнула Купава и запустила пальцы в толстую косу. – Я-то скромная девушка. А вот к Мавне вчера женишок приходил.

Мавна возмущённо шикнула на подругу. Скажет тоже! И зачем трепаться на всю деревню?

– Наш парень? Хороший? – взволнованно спросила Илька.

Мавна опустила глаза. Купава сболтнула, Купава пусть и разбирается.

– О-ой. – Подруга притворно вздохнула и почти положила голову Ильке на плечо. – Такой парень чудной... Не пойму, что с ним не так.

– Если не поймёшь, стало быть, что-то и правда не так. – Илька достала из передника горстку семечек и с хрустом раскусила одну. Предложила девушкам, но они одновременно замотали головами. – Ну-ка, Мавнушка, что такое Купавушка говорит? Правду или брешет? Если брешет, мы её быстро за ноги в колодец опустим, чтоб неповадно врать было.

Купава сразу отстранилась от Ильки, а Мавна усмехнулась.

«Брешет», – хотелось ей сказать, но вслух Мавна сказала другое.

– Правду говорит. Пришли к тебе спросить.

Илька сыпанула семечек под калину, птицам на угощение, отряхнула руки и встала со скамьи.

– Тогда идём в избу. Заварю вам чаю, и там потолкуем, чтоб никто не подслушал.

* * *

Ароматный чай из морошкового листа с сушёной черникой приятно согревал желудок. В избе Ильки всегда хорошо пахло: сухими листьями, сосной и солнцем. Мавна с Иларом часто забегали сюда детьми, а потом и Раско... Глазам, как обычно при мыслях о младшем брате, стало горячо, и Мавна часто заморгала.

– Давай нос утри, – тут же сказала Илька, заметив слёзы Мавны. – И про своего женишка выкладывай. От тебя же не дождешься никаких вестей. А тут – жених. Ну и ну!

– Да не жених он мне, – сдалась Мавна. – Так, приходил пару раз. Венок мой поймал.

– На Русалий день?

Мавна молча кивнула.

– Говорю же, жених, – встряла Купава.

– Тихо ты, стрекоза, – буркнула на неё Илька. – Давай, Мавна, говори, чем он странный.

Мавна крепче сжала кружку. Пальцам стало горячо – даже слишком, но она не спешила их убирать. Перед глазами встал образ Варде: такого нездешнего и загадочного, будто

сотканного из сумеречного света. Как о нём рассказать? И стоило ли? Мавна удивилась сама себе, но сейчас она, кажется, впервые пожалела о том, что в тот вечер позвала с собой Купаву. Может, было бы правильнее оставить его только своей тайной?..

– Он не наш, – тихо проговорила Мавна, глядя куда-то поверх чашки, туда, где воздух дрожал от пара. – Я не знаю, где он живёт. Он бледный и тонкий, бесцветный будто. Но тихий и... наверное, вежливый.

– Это ещё что! – не выдержала Купава и заговорщическим тоном объявила: – У него на поясе висит лягушачья шкурка.

Илька отставила свою кружку и внимательно посмотрела на подруг.

– Шкурка, говоришь?

– Ага. Только Мавна никак не разглядит, дубовый лист это или шкурка.

– А ты глазастая и разглядела?

Купава довольно зарделась:

– Разглядела, конечно. Самая настоящая шкурка. Может, не лягушачья, а жабья, но точно шкурка. Наверное, он из заболотских? Они там все с причудами, мне матушка рассказывала, как в юности познакомилась с одним, а он землянику прямо с ветками ел.

Взгляд Ильки вдруг сделался тяжёлым, брови сдвинулись к переносице. Мавна вяло повернулась к ней и похолодела: такой она Ильку никогда не видела. Под ложечкой затаилось

неприятное предчувствие.

– Что? – спросила Мавна упавшим голосом.

Илька моргнула несколько раз, будто прогоняя дремоту. Купава жадно подалась вперёд, приоткрыв рот: приготовилась слушать.

– Нехорошо это, – заявила Илька.

– Шкурка – плохо? Почему? – оживилась Купава.

– Да потому. Честный человек не станет носить лягушкину кожу. На что она ему? Спросили бы первые.

Илька засуетилась, поднялась из-за стола, поправила ска-терть и убрала свою чашку. Купава разочаровано протянула:

– То есть ты не зна-аешь?

– Не знаю. И вам носы совать не советую. Коли такие любопытные – сами спросите, но лучше не ходи с ним никуда, Мавна. Особенно по вечерам.

– Я не...

– Без меня не пойдёт, – заверила Купава. – Но всё же: что не так с этой шкуркой? Я как увидела, тоже подумала, что это неспроста. Чародеи же носят козлиные черепа. Стало быть, этот тоже из чародеев? Но откуда тут у нас чародей? Ещё и один, без своих побратимов.

– Нет, – отрезала Илька. – Тут другое. Пока не могу сказать, сама не уверена, но и вы не лезьте. Молодцы, что сказали. А ты, Мавна, запомни мои слова и не ходи с ним. Поняла?

Илька смерила Мавну таким тяжёлым взглядом, что по-

что пригвоздила к стулу. Мавна сглотнула и нерешительно кивнула:

– П-поняла.

Илька мигнула и удовлетворённо улыбнулась:

– Вот и умница. Мало твои родители страдали, чтоб ещё из-за тебя...

Она так и не договорила. Махнула рукой: уходите, мол, и стала что-то переставлять на полках с посудой и туесками.

– Идём, – мрачно сказала Купава и потянула Мавну за рукав.

– Я не понимаю...

Мавна семенила за подругой по двору мимо калин и белых цветов сныти. На тропинку опадали лепестки. Купава стала странной: хмуро поджимала губы и будто крепко о чём-то задумалась.

– Я и сама не понимаю, – призналась она. – Но мы ещё узнаем. Чувствую, что-то здесь есть такое... Мы доберёмся до правды.

– А может, не стоит? – жалобно протянула Мавна. – Чего мы так пристали к этой шкурке, в самом деле? Ну не буду я с ним гулять, если вам с Илькой он не нравится.

Купава резко остановилась посреди улицы и повернулась к подруге. Мавна чуть не налетела на неё.

– Нам с Илькой? А ты сама что думаешь?

– Что я думаю?

Мавна запыхалась и с трудом дышала.

– Тебе самой он нравится?

Мавна смогла только захлопать глазами. Купава так прямо это спросила, что ответ будто застрял в горле. А нравится ли он ей? Да и правда, что они все так носятся с этим непонятным Варде? Ну парень как парень, приставучий только. Не надо было вообще к нему выходить! Нажила проблемы на свою голову. Один раз вышла, и все переполошились.

– Н-нет. Нет, конечно. Ты же его видела.

Купава хмыкнула:

– Да уж. Смотреть там особо не на что. Но я подумала, вдруг...

– Вдруг я в него влюбилась? – к щекам Мавны прилила кровь. – Скажешь тоже!

– Ну, ты же всё нос воротишь. Никто из наших парней тебе не нравится. А тут – пришлый, загадочный, ещё шкурку эту навесил. – Купава хитро сощурилась и толкнула подругу в плечо. – Вдруг как влюбилась!

– Тише ты!

Мавна боялась, что их кто-то услышит. Правда, никого не было видно. И то хорошо.

– В общем, думай сама. – Купава стала серьёзной и вздохнула. – Не хочешь – не выходи к нему больше. Честно скажу, он мне не понравился. Станный. Ну а если тебе интересно встречаться с чужаком – попробуй, что уж. Только будь осторожна. А я что-нибудь да выясню.

Мавна молча обняла Купаву и шепнула ей на ухо:

– Спасибо. И давай не будем сегодня больше о нём. Надоело.

– До ужаса надоело! – подхватила Купава. – Аж зубы сводит.

* * *

Остаток дня Мавна провела в пекарне: выпекала пироги и месила тесто на завтра. К ужину они собрались все вместе: сосредоточенный отец, притихшая мать, хмурый Илар и задумчивая Мавна.

– Я рада, что ты сегодня выглядишь лучше, – сказала Мавна матери, разливая горячий сбитень по кружкам.

Мать кротко улыбнулась и поджала губы, будто устыдившись своей улыбкой.

– Ты тоже становишься бодрее. Мы все...

Отец кашлянул в кулак, и мать замолчала. Мавна ненавидела, когда у них случались такие неловкие разговоры: вот-вот будто бы всё стало чуть легче, чуть подтаял лёд, сковавший их сердца после гибели – нет, пропажи! – Раско, как вдруг какая-то мелочь рушила это хрупкое ощущение *прошлой* жизни. В такие моменты её охватывал стыд за то, что хотя бы на минуту она осмелилась подумать о том, что матери могло стать лучше. Будто бы они могли забыть Раско и однажды сделать вид, что его не было.

– Скажи нам, что на дозоре, Илар? – прокашлявшись,

буркнул отец. Он промокнул густые длинные усы и уставился на Илара немигающим водянисто-голубым взглядом. — Бьём мы этих тварей? Когда они сгинут?

Илар сухо сглотнул. За последние месяцы он, как заметила Мавна, стал ещё крепче: раздался в плечах, на руках выступили жилы и мышцы. Илар коротко стриг светлые волосы, и черты его лица становились от этого резче и красивее. Только сейчас Мавна подумала, что по брату, должно быть, вздыхает половина девушек деревни. Странно, они с Купавой никогда всерьёз это не обсуждали, хотя Купава, кажется, не раз намекала, что Илар ей симпатичен... Но брат не то чтобы стремился плясать на праздниках, да и под окнами девушек не прохаживался, как любили делать другие парни. Кажется, он с большим удовольствием затачивал ножи и прилаживал наконечники стрел к отшлифованным древкам.

— Бьём, но меньше их не становится. Я тут давеча услышал... Ребята говорят всякое. Гьор, он из другой веси к нам приехал упырей стрелять и повидал разного, сказал одну вещь...

Илар сцепил руки в замок перед собой и смотрел на стол, будто размышлял, стоит говорить дальше или нет. Отец допил сбитень, шумно откашлялся и со стуком поставил пустую кружку. Мавна украдкой покосилась на мать: она сделалась бледной и внимательно слушала Илара.

— Говори, чего мнёшься, — пробурчал отец.

Илар снова сглотнул и побарабанил пальцами по столу.

– Ходят слухи, будто наша нежить учится принимать третье обличье.

Мавна вздрогнула. Мать прижала ладони к глазам, а отец подался вперёд, ближе к Илару.

Каждый ребёнок знал: нежить прошла многолетний путь, прежде чем научилась превращаться в упырей и начала питаться человеческой кровью. Сперва докучливые, но в общем-то безобидные болотники (а их в этих краях водилось больше всего) лишь тоскливо были в топях и иногда заманивали к себе случайных путников. Затем всё чаще стали говорить об обескровленной скотине или о пьяницах, обнаруженных поутру в поле с разодранной шеей.

Мавна помнила, как пошли первые слухи о новой нежити. Ей было пять лет, и её, как и других детей, уводили по домам, когда возвращались дозорные: нечего слушать истории про то, как снова кто-то сгинул в болоте, не уснут ещё. Мать тащила их с Иларом за руки, брат упирался, выворачивал шею, а Мавна подсматривала украдкой, скосив глаза. Дозорные тогда казались ей могучими и рослыми, как дубы, и хотелось разглядывать их высокие сапоги и тугие луки за спинами. Мавну с братом уже почти увели, когда она услышала, как кто-то из дозорных сказал: *«Мало им наших душ. Теперь хотят крови»*.

– Какое такое обличье? – нахмурился отец. – Хуже упырей? Что же, они стали чудищами о трёх головах?

Илар хмыкнул и покачал головой:

– Нет. Наоборот. Теперь у них всё меньше от чудовищ. Они уже могут становиться похожими на людей.

Мать прижала ладони к лицу, будто человекоподобная нежить была для неё страшнее, чем горбатые упыри с пастями, полными кривых зубов. Мавна осторожно спросила:

– Насколько похожими на людей?

– Да не отличить. Встретишь вечером на дороге девушку, а она – нежичка.

– Обернётся упырём и откусит чего-нибудь? – невесело пошутил отец.

– Смешно. Нет, но войдёт в село, а потом приведёт братьев. Обернутся ночью упырями, а к утру найдут всех без единой капли крови. Если найдут. А то и останется мёртвой целая деревня, и никто о том не узнает, пока через полгода не нагрянет заезжий путник.

– Хватит страшить на ночь глядя, Илар! – упрекнула его мать.

– Не страшу, – огрызнулся брат. – Говорю как есть. Людьми они становятся. Только повадки как были упырячьи, так и остаются.

– Так они и раньше были людьми. Заложные покойники и становятся нежитью. По-моему, для них вернуть человеческий облик – это как сделать круг, – неожиданно для себя сказала Мавна.

– Бессмертие? – Илар вскинул брови. Кружка сбитня перед ним так и оставалась нетронутой и исходила тоненькими

струйками пара. – Вот так ты рассуждаешь? Не ожидал.

Мавна смутилась:

– Я не имела в виду ничего такого... Наверное, пойду спать.

Она поднялась из-за стола, собрала пустые кружки, наспех ополоснула их в ведре, взбежала по лестнице и шмыгнула к себе в комнату. Прислонившись спиной к запертой двери, она поняла, что сердце стало колотиться быстро-быстро, как у птички. Мавна прижала руки к щекам, совсем как мать недавно за столом. За окном привычно тянули песню жерлянки, с болот напел туман – плотный, влажный, с запахом крапивы и тины.

«Они становятся людьми, – билась в висках единственная мысль. – Но людьми ли?»

В дверь осторожно постучали. Мавна вздрогнула и вцепилась в засов, не решаясь, открыть или, наоборот, придержать, чтобы не потянули с той стороны.

– Можно к тебе?

Голос Илара звучал глухо и мягко. Мавна облегчённо выдохнула и приоткрыла дверь.

– З-заходи.

Илар вошёл и заполнил собой всё пространство – так показалось Мавне. Она не привыкла видеть брата, высокого и широкоплечего, в своей комнатухе.

– Я знаю, о чём ты подумала, – сказал он и шумно выдохнул. – Прости. Я не должен был так говорить.

– Как?

– Прямо. Я сказал лишнее. Те слова, которые могли прозвучать для тебя слишком резко.

– В слове «человек» нет ничего резкого, Илар, – вздохнула Мавна и шагнула к брату. Она взяла его руку и перевернула ладонью кверху. На коже виднелись рубцы и свежие ссадины. Мавна осторожно провела пальцем по самому большому шраму. Илар слегка вздрогнул.

– Щекотно.

Мавна улыбнулась:

– Потому что ты человек.

– А были сомнения?

Мавна шутливо замахнулась на Илара, но тот ловко увернулся.

– Позволишь?

Он указал на кровать. Мавна закивала и сама уселась первой. Илар присел рядом.

– Я знаю, о чём ты подумала, – повторил он мягко, осторожно подбирая слова. – О том, что... заложный мертвец может вернуться, пройдя путь от болотника и упыря до снова живого человека.

Мавна хмуро посмотрела на Илара. И как он так смог... То же самое крутилось у неё в мыслях, но никак не шло на язык, будто перерезало ниточку, по которой слова добирались из головы в рот.

– Но так не бывает, – продолжил Илар, глядя не на Мавну,

а прямо перед собой, будто сестры здесь вовсе не было. — Люди умирают. Кто-то становится нежитью, но это существование — не человеческая жизнь. Что-то иное, новое. Другое. И та нежить, которая способна оборачиваться в упырей, ещё дальше от человека, пусть даже мёртвого. Стало быть, и людское обличье упыря не имеет ничего общего с настоящим, живым человеком. Это ошибка, Мавна, считать, что так они приходят к бессмертию. Напротив, это — новая форма смерти. Третье её обличье, если угодно. Я не понимаю пока, насколько страшное и отвратительное, да и никто не может понять. Мы даже не знаем, правда ли это или раздутые слухи. Но не думай о Раско, когда слышишь вой упырей. Он не станет таким. Он бы не хотел.

Илар стиснул ладони Мавны так крепко, что у неё заныли пальцы — будто не только хотел поддержать сестру, но и сам искал для себя поддержки. Мавна всхлипнула и уткнулась Илару в грудь. От его рубашки пахло костром и какими-то горькими травами, а от самой Мавны — свежим хлебом. Илар обвил её руками, с каждым мгновением сжимая всё сильнее.

Если бы Мавна могла, она просидела бы так до самой ночи.

Глава 5

За околицей

Прошло чуть больше месяца после пропажи Раско, и в деревне всё чаще говорили: надо отчитать мальчика, нехорошо получается. Мужики предлагали послать в соседнюю весь за чтецом и отсидеть ночь, как положено, но Мавна помнила, что отец прогнал их, пригрозив вилами. Нельзя бдеть над мертвецом, которого нет. Не положено. Не нашли тело, не погребли – значит, нечего и отчитывать. Илар тогда всё порывался снова (раз, должно быть, в сотый) сходить на болота и хорошенько поискать с парнями, но отец не пустил, едва не запер в бане. Мавна не знала, что будет хуже: найти Раско мёртвым или не найти вовсе.

Она смутно помнила те дни: всё казалось покрытым туманом, и сама Мавна двигалась так, будто плыла в молоке – медленно, с трудом, через силу. Зато мама, наоборот, сделала ещё более деятельной и подвижной. То пекла пироги, какие любил Раско, с творогом и морошкой; то прибиралась

в его светёлке и взбивала подушки; то суетливо выглядывала в окно и всматривалась в даль, в болота, словно ждала, что младший сын вот-вот вернётся.

Видеть её такой было невыносимо. Мавна задыхалась, на грудь постоянно что-то давило, словно сердце превратилось в тяжёленный, неповоротливый камень. Когда она моргала, то видела бесконечный ковёр болотного мха, а в тишине нет-нет, да и чудился тонкий голосок, зовущий по имени.

Как-то под вечер, когда Мавна уже заворачивала в тряпицы последние непроданные караваи, к лавке подошла старуха Малица, воровато обернулась по сторонам и сделала Мавне знак поклониться. Не совсем понимая, чего от неё хотят, Мавна склонилась к старухе.

– Я свечку зажигала по мёртвым, – шепнула Малица. – Говорила с ними. Со всеми из Сонных Топей говорила, со своим стариком даже. И сказали они, что вашенского мальчишки среди них нет.

Мавна отшатнулась, мотнула головой и продолжила заворачивать каравай. Мрак какой, послышится же такое.

– Мавна! – окликнула Малица.

– Ты, верно, каравай хотела купить? – с трудом проговорила Мавна. Горло было сухим и горячим. – Вот, как раз два последних осталось. Вечером за половину цены отдам.

Малица всплеснула руками и покачала головой. Мавна протянула ей завернутый в тряпицу каравай, но та мягко

положила ладонь ей на руку, останавливая.

– Девочка моя, ты слышала, что я сказала?

Мавна недовольно поджала губы. Пришла тут на ночь глядя, какую-то ерунду говорит и слушать заставляет!

– Прости, но я не могу это выслушивать, – возразила она. – Мне пора закрывать лавку. Поздно уже, темнеть скоро начнёт.

– Закрывай, а сама слушай. Я не просто так на больных ногах через всю деревню приковыляла. – Малица недовольно причмокнула губами. – Говорю же тебе, бестолковая, по мёртвым я зажигаю. И мне сказали, что не слышали и не видели вашего Раско.

Имя брата резануло по ушам, грудь встрепенулась болью, будто полоснули ножом по рёбрам. Мавна зажмурилась, переводя дыхание, и ответила:

– Прошу, Малица, тебе лучше пойти. Вот, бери каравай, я его и так отдам, Покровители с тобой. Только, прошу, больше не говори того, что сейчас сказала. Особенно маме. И Илару. Да и отцу лучше не говорить.

Мавна торопливо сунула каравай старухе в руки и, пока та не начала снова говорить свои жуткие вещи, поспешила убрать второй каравай и запереть лавку на засов.

** * **

Мавна уже собиралась лечь спать, как вдруг её внимание

привлѣк звук закрывающейся двери. Айна давно должна была уйти домой – помощницу никогда не просили оставаться на ночь. Отец вышел покормить скотину? Да нет, кормили до наступления темноты. Очередь Илара снова идти в дозор пока не подошла...

Мавна выглянула в окно и обомлела: по двору суетливо двигалась щуплая женская фигурка, платок растрепался по плечам, вот-вот упадѣт на землю.

– Мама! – позвала Мавна. Приоткрыла окно и повторила: – Мама!

Но та не обернулась. Быстро накинув душегрею, Мавна вышла из комнаты и, на ходу стукнув в дверь Илара, выскочила на улицу.

Снаружи было влажно, но уже теплее, чем в предыдущие вечера, и от духоты трудно дышалось. Мавна замерла, присматриваясь. Фигура матери стремительно отдалялась – глядя на неё, и не подумаешь, что она способна так быстро и уверенно семенить по улице. Кругом больше никого не было, только свет из окошек падал на дорогу и дробился в росинках, повисших на сизых стеблях полыни.

– Мама! – снова окликнула Мавна, уже требовательнее. Зыбкая темнота давно окутала деревню, и спускаться с крыльца ох как не хотелось. Мавна помялась, потёрла плечи, укрытые в этот раз не платком, а рассыпавшимися пушистыми локонами. Мамины очертания теряли чѣткость, она уходила всё дальше, и Мавна, вздохнув, кинулась следом.

«Где же Илар, — злилась она, — дрыхнет, что ли? Мог бы и выползти из кровати, наверняка же слышал, как я стучу».

Остаться ночью на улице было страшно. Небо затянули тучи, и лунный свет, с трудом пробиваясь сквозь них, рассеивался серебристой дымкой. Остро пахло зацветающими травами, а впереди, в конце улицы, уже виднелась стена из частокола.

— Мам, ну правда! Что на тебя нашло? Спать уже пора, — проворчала Мавна и прибавила шаг, бегом пустившись по дороге.

Мать остановилась почти у самой ограды, задрала голову и смотрела вверх, не замечая окликов. Догнав, Мавна тронула её за плечо.

— Мам, пошли уже.

— Там Раско! — вдруг крикнула мать, обернувшись. Мавна застыла: её глаза сверкали от злости и застывших слёз. Мавна отшатнулась и убрала руку. — Он меня зовёт. Ты что, оглохла? Как в тот раз, да?

Голову заволокло туманом.

Снова тот летний день, гул комаров и мошкары, ленивое кваканье лягушек. Болотный мох светится золотом от росы и яркого солнца, а в ложбинках между кочками рассыпаны медовых капель. То тут, то там слышатся песни и смех — половина деревни вышла по ягоды с корзинками и туесками: девушки, парни, дети. Раско то забегаёт вперёд, то крутится около Мавны, дёргая за рукав и заглядывая в лицо.

Мавна зло зыркает на него – вертлявого, тощего, с пятнами ягодного сока на щеках. Ворот рубахи растёгнут и сбился набок – мама тут же отчитала бы за неряшливость, надо лбом торчит непослушный русый вихор. Тогда Мавна отметила: Раско, когда подрастёт, будет больше похож на Илара, потому что у неё самой лицо круглое и щекастое, с веснушками, а у братьев – угловатое, и кожа гладкая и бледная.

– Отстань, – шикает Мавна. – Иди, сам собирай. Вот тебе туес. Пока полный не наберёшь, не докучай мне.

Раско шустро выхватывает туес из её рук и скачет куда-то по кочкам, а Мавна оборачивается на Касека: вон он, красивый, высокий, как всегда, ходит рядом с Таной. Они смеются и собирают ягоды, Тана больше кладёт себе в рот, чем в корзину. Смотреть на неё противно, но всё-таки взгляд сам собой к ним возвращается. Жалко, Кунава не пошла, а то затянули бы вместе песню, стало бы веселее.

Время летит быстро, в погожий день приятно побродить среди миштых кочек. Если обернуться, то можно рассмотреть деревню: серой лентой вьётся высокий забор с козлиными черепами, но в солнечном свете вовсе не верится, что с вечера тут могут бродить нежаки.

Кто-то уходит с болота, кто-то садится передохнуть – Касек и Тана как раз устраиваются на земле, подстелив платок, и со смехом едят ягоды. Мавну одолевает мошкара, лезет прямо в глаза, и она оттирает пот со лба рукой, липкой

от ягод.

– Ма-авна! – кричит Раско.

– Давай сюда, – ворчливо откликается Мавна.

Она ссыпает горстку ягод в туес. Набралось уже прилично, но нужно собрать ещё. Ах, как раздражающе смеётся эта Тана! Убраться бы от неё подальше, да только глаза сами собой косят в сторону Касека.

– Ма-авна!

Тут она понимает, что брата рядом нет. Оборачивается, ищет его глазами, но Раско не видно, да и голос его звучит издалека.

«Какой дурачок, – в сердцах думает Мавна. – Убежал куда-то, а теперь я должна его искать по всем болотам».

Когда Раско зовёт её в третий раз, его голос звучит будто бы ещё дальше.

– Там брат твой, – окликает Мавну Касек, оторвавшись наконец-то от Таны. – Хочешь, сходим посмотрим, вдруг случилось что.

Мавна удивлённо приподнимает брови, распрямляется во весь рост, с наслаждением потягивается.

– Сама схожу. Спасибо.

Она оглядывается, пытаясь понять, с какой стороны кричал Раско. Но больше никто её не зовёт, на болотах стоит сонная тишина, только комары пищат над ухом да лениво поквакивают вдалеке лягушки.

Несмотря на тёплый день, по спине у Мавны пробегает

холодок. Так тихо...

– Раско! – зовёт она.

Но никто не откликается.

Сглотнув ком в горле, Мавна снова вцепилась в плечо матери.

– Не смей так говорить! И дальше идти не смей. Возвращайся домой!

– Отвяжись от меня! Он зовёт. Не слышишь? Маленький мой, иду!

Мать вывернулась, оттолкнула Мавну и со всех ног бросилась к воротам. Мавна растерянно посмотрела вверх: забор высокий, каждый кол остро заточен, ворота заперты изнутри на засов, в одиночку не отпереть. Дозорных отсюда не было видно: они ходили снаружи, за околицей, спустившись с обзорных площадок, но Мавна всё-таки крикнула:

– Помогите!

Мать кинулась на ворота, толкнула изо всех сил. Створки пошатнулись, загремели, но засов прочно держал их.

– Раско! Маленький мой, иду!

Мать рыдала, ругалась и расшатывала ворота, в бессилии бросаясь на них снова и снова.

– Раско!

Мавна схватила мать за запястья, но ей не хватало сил удержать. Мать всё билась, косынка упала с плеч, пушистые косы растрепались. Мавна мысленно взмолилась: ну пусть хоть кто-то придёт на помощь, пусть хоть кто-то уведёт их

домой!

В избах гасли окна: деревенские тушили свечи, чтобы было лучше видно, кто расшумелся на улице.

– Мамочка, милая, – зашептала Мавна голосом, ломким от слёз, – пожалуйста, успокойся, послушай меня. Раско там нет, давно уж нигде нет, никто тебя не зовёт...

Она сглотнула, и в горле стало больно, будто что-то застряло.

– А вот нас с тобой – позовут. Папа и Илар. Может быть, уже зовут, а ты плачешь и не слышишь... мамочка!

Ночь прорезал визг: высокий, скрежещущий, переходящий в мерзкий хрип. Мавна замерла, тело будто онемело. Она уже слышала похожий клич. Совсем недавно.

Закричали дозорные. Свистнула стрела, сорвавшись с тетины, затем ещё и ещё. Ворота задрожали, будто кто-то ломился с той стороны. Упырячий вой повторился.

– Ра-аско-о! – простонала мать и грузно упала на колени прямо перед воротами. Между створками разверзлась щель, и Мавне показалось, что там мелькает что-то тёмное.

– Мам, пойдём домой, ну пожалуйста!

На ворота снова что-то бросилось, на этот раз ещё сильнее. Дерево затрещало, засов едва не выпал. Упырь завизжал где-то совсем рядом, прямо за забором. Короткий вскрик дозорного, а после глухой удар.

– Стра-ад! – закричал второй дозорный, и по тому, как страшно прозвучал его голос, Мавна поняла: убили Страда.

Щель между створками разболталась от ударов, и мать, рванувшись вперёд, выбила плечом расшатавшийся засов. Ворота распахнулись. Сразу стало светлее, будто в деревню хлынул молочно-серый туман, который сгущался у болот. Мавна окаменела: фигура матери так быстро уносилась туда, в эту страшную густую мглу, что сердце замерло ледяным комком, а ноги приросли к земле.

– Мама!

– Тамина!

Одновременно раздались оклики Илара и отца. Окоченение отпустило Мавну, и она со всех ног бросилась за ворота, навстречу упырячьему вою.

Туман обволок её со всех сторон. Матери уже не было видно, только чьи-то тени мелькали во мгле – не разберёшь, упыри или нет. Просвистела стрела, ещё одна. Что-то метнулось рядом, чуть не сбив. Взвизгнуло, колыхнулось, ударилось о землю. Зарычало чуть дальше.

Кровь шумела в ушах, перед глазами плясали чёрные точки. Так страшно Мавне не было даже тогда, на телеге с Грением. Сейчас её страх был совсем другим – не за себя, за маму.

– Раско!

Голос прозвучал так близко! Мавна кинулась в сторону и едва не споткнулась о мать, которая сидела на коленях в росистой траве. Мавна обняла её, закрыла собой и прижалась щекой к макушке. Только теперь она поняла, что у неё самой

лицо, горячее от слёз.

– Мамочка, нет тут Раско. Тут... эти. Пойдём скорее, пока не сожрали, – прошептала Мавна, но она не знала, слышит её мать или нет.

Сзади кричали, Мавна вся сжалась в комок, в любой момент ожидая удара и резкой боли в шее. Говорили же, что упыри часто метят прямо в горло, где кровь чище и слаще...

– Вставайте!

Мавну кто-то с силой дёрнул за плечо, поднимая на ноги. Перед глазами появилось суровое лицо Илара. На брате не было рубахи, через всю грудь тянулось разбрызганное пятно крови, и на коже уже проступали алые ожоги. Следом за Мавной он поднял мать и, прижав к себе обеих, потащил обратно в деревню.

Ворота оставались распахнуты. У ограды лежали тела двух дозорных. Тошнота скрутила нутро Мавны: упырь лакал кровь, жадно приникнув к разорванной шее одного из убитых.

– Не смотри туда, идём, живо!

Мать всё всхлипывала и причитала, и Илар забросил её себе на плечо, а Мавну так и прижимал к боку. Быстро проскочив мимо занятого упыря, они вбежали в деревню. Отец и несколько других мужчин тут же рванули створки ворот, запирая, но одна створка уже слетела с петель и висела, открывая огромную щель.

– Веди их в церковь! – крикнул отец.

Илар кивнул на ходу. Ему было тяжело, Мавна слышала, как он надрывно дышит. За спиной продолжали выть в тумане упыри, будто бы их всё больше сбегалось с болот к открытым деревенским воротам.

Если сейчас же их не прогнать, быть беде, ох, быть беде...

* * *

В церкви собралась едва ли не вся деревня. Многие в ночной одежде, как были, со сна. Хныкали дети, взрослые испуганно шептались. Кто-то даже вскрикнул, когда Илар рывком отворил двери, но быстро успокоились. Мавне в лицо ударил спёртый воздух, пропахший дымом и пчелиным воском. К ним, растолкав толпу, подбежала Купава.

– Мавнушка! Где ты была? Я чуть с ума не сошла, говорили, ты за околицу побежала.

Мавна с трудом отстранилась от Илара и протянула руку к подруге. Купава стиснула её в объятиях.

– Илар, у тебя кровь, – заметила Купава.

Илар отмахнулся:

– Не моя. Упырячья.

– Жжётся?

Илар молча мотнул головой и осторожно усадил мать на свободное место, прислонив боком к стене.

– Как ты? – спросил он, присаживаясь рядом.

Мать прикрыла глаза и несколько раз мелко кивнула.

Илар поднялся, вытер руки о штаны и крикнул:

– Принесите воды!

Затем повернулся к Мавне и пытливо заглянул ей в лицо.

– Ты не ранена? Побудешь с мамой?

Мавна постаралась выдавить улыбку, но у неё ничего не вышло. Сердце по-прежнему колотилось как бешеное, из-за духоты мысли путались. У неё до сих пор стояла перед глазами пелена тумана, в которой мелькали неразборчивые тени, а в ушах звенели вопли упырей, и непонятно было, ей мерещится или действительно они уже в деревне, рыщут вокруг церкви, но не могут войти внутрь.

– Побуду. А ты?

Илар потёр лоб, но морщинка между бровями так никуда и не делась, наоборот, стала резче. Привычным движением он взлохматил волосы и глухо произнёс:

– Я пойду помогать. Упыри в деревне, ты же видела.

– Дай хотя бы рану обработаю! – упрямо воскликнула Купава.

Духовник поднёс им лохань с водой и три кружки. Илар поблагодарил его, зачерпнул воды и протянул матери.

– Там нет раны. Только чужая кровь, – бросил он Купаве как-то скованно.

– И что? Кровь упырей оставляет ожоги! Шрамы будут.

Купава решительно стянула с волос платок, намочила в лохани и принялась с неожиданным рвением оттирать пятна крови с груди Илара. Тот оцепенел, продолжая хмуриться.

Мавна краем глаза заметила, как Мальвал, бросив на Илара уничтожающий взгляд, протиснулся к выходу.

– Прекрати. – Илар перехватил руку Купавы и мягко отстранил. – Не стоит. Успокойся.

Купава замерла с мокрым платком в руках. Мавна тронула её за плечо, та медленно развернулась, глядя на подругу невидящими глазами. Обнявшись, они обе разрыдались.

Илар стряхнул с груди последние капли, поцеловал мать в лоб и вышел из церкви. Глядя, как за братом закрываются тяжёлые двери, Мавна зарыдала ещё сильнее.

«Да помогут Покровители нам в нашей беде, да отведут неживых от домов, да пошлют нам свою благодать. Просим Старцев о скором рассвете, просим беречь наших мёртвых и наших живых, наших детей и стариков, наших матерей и отцов...»

Монотонный голос духовника звучал будто бы сверху, упрямо перебивая всхлипы и шепотки. Так сильный дождь стучит по крыше, перекрывая все другие звуки. Мавна с Купавой сели на пол, не разрывая объятий, и свободной рукой Мавна нащупала ладонь матери, чтобы сжать её дрожащие пальцы.

Глава 6

Сплетни о шкурке

Рассвет наступил довольно скоро, но время до него тянулось для Мавны бесконечно. Не переставая хныкали дети, вздыхали женщины, старики ворчали и молились, а духовник семенял между собравшимися и каждому дарил слова утешения, так и не присев ни разу за ночь.

Мавна не сводила глаз с матери – та тревожно дремала, прислонившись к стене. Купава тоже прикорнула, устроив голову на плече у Мавны. Монотонные голоса сливались в сплошной гул, прислушиваться к ним не хотелось, чтобы не бередить сердце, которое и без того стучало громко и часто, до боли в рёбрах.

«Старцы и Покровители, пусть папа и Илар скорее вернуться... Старцы и Покровители, верните их живыми и невредимыми...»

Слова молитвы путались в голове, поэтому Мавна просто мысленно просила благополучия для родных. Мама говори-

ла: главное, чтобы слова шли от сердца, а в каком порядке они идут, не имеет значения. Мама... Неужели она и правда слышала зов Раско? Имя брата, всплыв в голове, больно обожгло. Мавна стиснула зубы: неужто эта боль никогда не станет тише? Целый год прошёл, но каждый день всё так же тянуло в груди, будто камень положили.

К утру так или иначе почти все забылись зыбким сном, и когда в деревне прокричали петухи, в церкви стояла тишина. Мавна осторожно тронула Купаву за плечо, та сонно охнула и разлепила глаза.

– Рассветает, – шепнула Мавна, поводя затёкшим плечом. – Значит, упыри ушли. Я иду искать Илара с папой.

– На вас с Грнеем напали в сумерках, – напомнила Купава. – Нежаки стали наглее. Погоди немного, твои вернутся.

– Да сколько уж годить. Вдруг что случилось. Надо поискать.

Двери громыхнули, разъехались с тяжёлым скрипом, и в церковь вошли мужчины: староста Бредей, Мальвал, Греней с Касеком, а следом и отец с Иларом. Тана сонно вскрикнула и бросилась обнимать Касека, а Мавна подскочила на ноги и кинулась навстречу своим.

– Вы целы?

У Бредея были рассечены лоб и бровь, Греней сильно хро-мал, а на груди Илара выступили красные волдыри, несмотря на все старания Купавы стереть упырячью кровь, но в остальном все были в порядке.

– Упырей больше нет, – сказал Илар, с внимательным прищуром осматривая церковь. Люди начали просыпаться, некоторые уже поднялись и собирались выйти, иные выкрикивали с мест, выпрашивая о своих родных. – Всё в порядке! – крикнул Илар уже громче.

– Убитых почти нет, – попытался подбодрить Бредей, но всё равно раздались испуганные возгласы. Мавна закатила глаза: ну как так можно, сейчас снова все переполошатся. – Некоторые дома сгорели. Ограда разрушена, начнём выправлять сегодня же. Кто хочет помочь – милости просим.

Женщины, кто причитая, кто хмурясь, потянулись к выходу. Мавна покосилась на мать – она так же спала, бледная и уставшая, маленькая, съёжившаяся и жалкая. Отец пошёл к ней, а Илар склонился к Мавне и тихо спросил:

– Как она?

– Спит.

– А ты?

Мавна повела плечами. Всё тело ныло от ночи, проведённой в неудобной позе.

– Я просила Покровителей, чтобы вы с папой вернулись живыми.

Илар улыбнулся: в полумраке его лицо казалось тусклым и уставшим. Купава прищёлкнула языком.

– Ну говорила же, надо смыть хорошенько кровь. А теперь что? Волдыри вон какие. Поди жжёт.

Илар опустил взгляд на свою грудь, будто впервые заду-

мался о волдырях, и развёл руками.

– Да ну. Я и не заметил.

– Шрамы будут, – пробурчала Купава и отвернулась, чтобы помочь Малице переступить через порог.

– Давай и мы выйдем, – предложила Мавна. – Подышать хочется. А ты отдыхай. Идите с папой домой.

– Да, умыться не мешало бы. И подремать. – Илар зевнул в кулак и тряхнул головой. В волосах у него запеклась кровь и застряли хлопья пепла.

Мавна догадывалась, что снаружи их не ждёт ничего хорошего, но не ожидала, что вид деревни после нападения упырей повергнет её в такое уныние. Прохладный утренний воздух пропах гарью: Мавна не стала спрашивать, из-за чего случился пожар, молча взглянула на обгоревшие избы и сглотнула горький ком в горле. Должно быть, вечером оттуда выбежали, не погасив свечи, а может, упырей пытались отпугнуть кострами и факелами.

Ворота совсем слетели с петель, многие колья оказались выбиты, и ограда стояла щербатая, прозрачная, в дырах виднелись болота и далёкие леса. Мавна неудобно поёжилась: деревня стала что дом с выбитыми окнами, будто разом потеряла свой дух. Словно в насмешку рядом валялся раздавленный козлий череп.

– Проклятые твари, – пробормотала Купава. – Что им от нас надо?

– Крови, – прошептала Мавна. – Чего же ещё.

– Смотри! – Купава схватила её за рукав и кивнула в сторону. – Вон, твой.

Мавна сперва не поняла, какой такой «твой», но, проследив за взглядом Купавы, увидела Варде, который вместе с двумя другими парнями помогал тушить тлеющий угол избы.

– Подойди хоть, спроси, как он себя чувствует, – посоветовала Купава. – Позови пирогами угоститься.

Мавна шикнула на подругу:

– Скажешь тоже! Домой звать? А кто про шкурку мне все уши прожужжал?

Купава махнула рукой:

– Ай ты! Хоть поздороваться можешь? Или сбежишь?

Мавна не успела подумать. Варде сам их заметил и, бросив пару слов своим товарищам, двинулся в сторону церкви.

– Доболталась, – буркнула Мавна.

– Доброе утро. – Варде не улыбнулся, просто подошёл и впился в Мавну бледно-зелёными глазами. – Ты не пострадала?

«Я страдала, когда пыталась вытащить обезумевшую мать из тумана, кишящего упырями», – хотелось ей ответить, но тут встряла Купава:

– Она была за околицей, но цела, как видишь.

Варде на миг потемнел лицом.

– За околицей, говоришь? Мавна, это правда?

Мавна неопределённо повела плечами:

– Не хочу об этом говорить. Кто-то слишком много болтает. Ну а ты... Как сам?

Она спросила это больше из вежливости. Мавна так устала, что ей не было никакого дела до Варде. Но кое-что она всё-таки заметила: раз Варде работал вместе с деревенскими парнями, то, выходит, и правда приходился родственником кому-то из них. А ещё она разглядела шкурку, которая в самом деле висела у него у пояса. В блёклом свете утра можно было рассмотреть и плоские высохшие лапки, и тёмные крапинки на лягушачьей спине.

– Всё хорошо. И... если ты тоже в порядке, я пойду. Нужно чинить ограду.

Варде чуть согнулся в нелепом полупоклоне и зашагал прочь, к воротам. Мавна проводила его взглядом, а Купава задумчиво протянула:

– Нет, ну какой-то он всё-таки чудной. То хвостом вился, то прочь побежал.

Мавна цокнула языком:

– Да посмотрите на неё! Половина деревни разрушена, ограды нет, а она всё о свиданиях думает.

Вдруг кто-то из парней закричал:

– Это он! Нежак! Снова к ней приходил!

Мавна видела, как бросают вёдра и долота, как поворачиваются к ней и смотрят, хмуря лбы. Всё это, казалось ей, происходило медленно, как в дурном сне.

– Держи нежака!

Деревня забурилась, зашумела. Где-то недалеко завизжала женщина, будто улицу снова заполнили упыри, но нет же, никто не приходил с болот, никто не свистел страшным свистом, а тела убитых упырей лежали уродливыми грудями плоти.

Мавна почувствовала, как её ноги слабеют.

– Ишь, подруга, ты чего удумала? – Купава подхватила её за локти. – Что за ерунду они мелят? Эй, вы! Хватит сплетни разводить! Нечего тут! Делом займитесь!

– Давай уйдём, пожалуйста, – шепнула Мавна. – Не хватало ещё, чтобы Илар услышал.

– Да уж. – Купава быстро обернулась по сторонам и, пока их не окружили, поволокла Мавну за церковь.

– Это они про Варде, точно ведь?

– Ну не про меня же, – буркнула Купава. – Боишься за него?

– Я не понимаю, – призналась Мавна и остановилась. За ними вроде бы не гнались, но отчётливо слышался топот по направлению к бывшим воротам – как раз там, куда ушёл Варде. – С чего они это взяли? Из-за шкурки этой? Надо честно спросить. Чтобы не ходили всякие слухи. Я не хочу слухов.

– Ясное дело, не хочешь. Спросишь, когда все успокоятся. Нам ещё решать, как ночевать без ограды, забыла?

Снова слышались голоса. Тут, на заднем дворе, не было видно, что стряслось, но Мавна расслышала:

– Сбежал!

– Как сквозь землю провалился, нежак проклятый...

– Повадились к девкам нашим хаживать!

Мавна осторожно выглянула из-за угла. Парни возвращались, некоторые озирались по сторонам, будто ждали, что Варде выскочит на них из-за любой избы.

– Нет уж, я так всё-таки не могу...

– Куда?!

Купава потянулась, чтобы схватить Мавну за локоть, но та уже вышла на улицу.

– Если вы считаете, что это я привела нежака в деревню, то скажите мне это в лицо, – твёрдо проговорила она и скрестила руки на груди.

Сердце стучало быстро-быстро, к щекам от волнения прилила кровь.

Парни дружно повернулись к Мавне. Видок у них был неважный: у кого-то на одежде сажа, у иных и кровь. Мальвал смотрел на неё злее всех, но смягчился, когда к Мавне вышла Купава.

– Это Вейка сказал первый, – с неохотой бросил Мальвал. – Пришёл к нам и говорит: «Мавна опять с нежаком милуется».

Парни закивали. Алтей досадливо сплюнул на землю, и Мавна вновь вспомнила, что он, оказывается, пытался добиться её внимания.

– И вы Вейке поверили? – фыркнула Купава. – Он же ду-

рачок! И всё равно с этим «нежаком» избу тушили.

– Так не знали мы, как он выглядит! А тут Вейка пришёл и как заголосит.

– И вы дурачьё. – Купава вышла вперёд Мавны, чтобы за-
слонить собой подругу. – Хуже баб говорливых! Поверили
в глупую сплетню. Стал бы нежак ходить при свете, да ещё
и помогать людям? Он бы упырём обернулся и пожрал бы
вас всех.

Она красноречиво кивнула на мёртвого упыря, пронзён-
ного стрелой.

Парни замолчали. Алтей задумчиво тёр острый подборо-
док, Мальвал не сводил хмурого взгляда с Купавы. Мавна
молилась, чтобы Илар их не увидел, а то снова бросится в
драку, а сейчас, когда все вымотанные и напряжённые, дра-
ки никому не нужны.

– Нужно поговорить с Вейкой, – выдавила Мавна. Слова
давались ей с трудом, ноги привычно сковало тяжестью.

– Зачем он тебе?

– Про нежака спросить, зачем ещё. С чего-то он ведь это
придумал...

Купава понятиливо кивнула и крикнула парням:

– Вейку нам приведите, бестолочи!

Мальвал тут же подвинул плечом Алтея и пошёл куда-то
за избу. Купава удовлетворённо вздохнула.

– Вот и научим его не трепаться.

Мавна не заметила, как перед ними появился староста

Бредей: широченный, с окладистой каштановой бородой с проседью, уже пожилой, но с горделивой осанкой и глубоким грохочущим голосом.

– Поди в церковь, Мавна, – мягко велел он, но таким тоном, что никому не пришло бы в голову ослушаться. – А вы, парни, займитесь-ка делом.

Алтей вновь потёр подбородок, украдкой бросил взгляд на Мавну, и парни, тихонько ворча, начали расходиться. Бредей подождал немного и положил тяжёлую ладонь Мавне на плечо.

– Лучше обожди в церкви. Мы с тобой всё обсудим. Но людям на глаза не попадайся: видишь, треплют уже всякое.

Мавна беспомощно закивала, до боли прикусив губу.

– Вот и славно, – удовлетворённо буркнул Бредей.

– Погодите, – вмешалась Купава. – Её же не будут судить?

Бредей собрался было уходить, но замер вполоборота.

– Судить? – намозоленные пальцы нырнули под бороду. –

Погоди стращать подругу, она и так ни жива ни мертва. Все-му своё время.

Он зашагал быстро, будто боялся, что Купава его догонит, и на ходу начал раздавать приказы.

– Мавна, прости! – Купава отвела её в церковь, закрыв за ними тяжёлые двери. Её голос казался здесь звонче, чем обычно: отражался от каменных полов и стен, привыкших к тишине. – Я такая дурочка. Брякнула про этот суд. Не бери в голову, конечно же. Не будет никакого суда. Сейчас бы

всех судить из-за того, что идиоту Вейке что-то там померещилось.

Она усадила Мавну на скамейку, и только сейчас Мавна начала выходить из оцепенения.

Снова крики о нежаке.

Староста.

Суд...

И Варде, за которым наверняка теперь будет охотиться половина деревни.

– Нужно будет найти Варде, – выдавила она. Купава держала её за руку, заглядывая в лицо. – Зря мы сразу у него всё не спросили. И зря он ушёл. Сказал бы Вейке, что, когда кажется, нужно нырять в колодец.

– Спросим. Неужели ты думаешь, что кто-то поверит Вейке? – Купава презрительно фыркнула. – Да ни за что. Всё будет хорошо, вот увидишь. Я посижу с тобой?

Мавна поджала губы и кивнула. Духовник поджигал свечи у алтарей – загорались огоньки в полумраке, и только по тому, какими размытыми они казались, Мавна поняла, что её глаза мокрые от слёз.

– Что с нами будет? – тихо спросила она. – Что дальше?

Купава присела на скамью, поближе к Мавне.

– Ограду починят. Пожарища уберут. Всё будет как прежде.

– Быстро не починят. Нужны брёвна. Как мы будем ночевать без ограды?

Купава пожала плечами и принялась ковырять края ногтей. Мавна легонько стукнула её по рукам – прекрати, мол.

– Парни пойдут валить лес. Будут брёвна. Они не позволят нам ночевать с упырями под окнами.

– Болота кругом. Вдруг кто-то погибнет?

– Всякое может быть. Но давай хотя бы верить, ладно?

Мавна стиснула ткань платья. Верить – вот то небольшое, что она могла сейчас сделать. Верить, что ночь пройдёт спокойно. Верить, что её не будут судить. Верить, что Варде – обычный парень. Верить, что Раско жив.

Двери вновь отворились, всколыхнув свечное пламя, и внутрь вошёл Бредей с тремя мужчинами. Сердце Мавны ёкнуло: все они входили в совет деревни.

– Купава, поди на улицу, душа. – Бредей махнул рукой, указав за спину.

Купава подозрительно сощурилась и вопросительно вздёрнула подбородок. Мавна, поймав взгляд подруги, кивнула:

– Иди. Со мной всё будет хорошо.

Купава ещё немного постояла, желчно впиваясь глазами во всех четверых мужчин, а потом, видимо, решив что-то для себя, развернулась и зашагала к выходу.

* * *

Мавну отпустили уже за полдень. Под строгим взглядом

молчаливого духовника мужчины старались быть нарочито вежливыми, но всё же несколько раз настойчиво спрашивали об одном и том же. Выйдя наружу, Мавна с минуту стояла, глупо моргая и щурясь на солнце. На улице прибавилось народу: будто с солнечными лучами ночь стала казаться лишь далёким кошмаром.

«Кто напечёт им хлеба, пока я тут мотаюсь без дела?»
— подумалось Мавне.

Она осмотрелась. Тела упырей оттащили, но там, где они лежали, остались тёмные пятна. Мальчишки дрались на палках, вымазав лица в саже. Собаки радостно носились за мужчинами, которые таскали брёвна для ограды. В кузнице слышался стук молота о железо. Всё как всегда — почти как всегда, — но после ночи, после полумрака и холода церковных стен, после десятков похожих вопросов Мавне казалось, что переменялось нечто большее, чем разрушенная ограда. Переменялись сами Сонные Топи. Переменялась сама она.

«Как часто вы виделись? Что это за парень? Как, говоришь, его зовут? Ты уверена? Откуда он? Для чего ты с ним встречалась? Сколько раз? Что ещё ты о нём знаешь? Как он выглядит?»

Она столько раз описывала им Варде, что его лицо будто размылось в её голове, и если бы сейчас Мавну вновь спросили, карие у него глаза или зелёные, она не смогла бы ответить.

Под ногами сыро чавкала грязь, дорогу за день сильно рас-

катали повозками и копытами лошадей: их в деревне было четыре, и всех привлекли к работе. Спотыкаясь и несколько раз чуть не наткнувшись на встречных прохожих, Мавна добрела домой.

В лавке привычно пахло тёплым хлебом – Айна, как всегда, пришла помогать, а перед избой выстроилась очередь. От вида деревенских – всех таких знакомых, пусть и уставших до смерти, – в груди у Мавны потеплело, будто оттаяло что-то, успевшее за ночь и утро покрыться корочкой льда.

Отец перетаскивал в пекарскую мешки с мукой. По полу тянулся белый след, и Мавна отметила про себя: вымою полы попозже.

– Как мама? – спросила она.

Отец остановился и провёл рукой по лицу. Брови и усы покрылись белым мучным налётом. Он чуть нахмурился, будто не ожидал увидеть Мавну.

– Лежит. Заходил лекарь. Дал ей чего-то... Отвара какого-то. Ну, ты знаешь, что там у них. – Отец коротко вздохнул и присел на мешок. – А ты что? Где была?

Мавна повела плечом:

– Да так. Неважно. Что Айна? Справляется? Пойду помогу.

Отец покивал – как-то растерянно, непривычно. Мавна заметила, что глаза у него покрасневшие, должно быть, мука попала, не мог же он плакать из-за мамы... Стало как-то неловко смотреть на потерянного отца, на его безвольно

сложенные на коленях руки, слышать приглушённый голос. Мавна попятилась, чуть не наткнулась на сундук с вещами и двинулась к двери.

Отец махнул ей рукой, тяжело поднялся на ноги и снова поволок свой мешок.

В пекарской пахло домом. Мавна разом ощутила нахлынувшую усталость, в носу защипало: вот же, вот же её место, никакие не болота с упырями, никакая не полутёмная церковь. Здесь она становится собой, здесь она знает, что делать.

На длинных подносах тесно жались друг к другу коричневые караваи и пышные булочки. Было много простого хлеба, а вот пряников и сладкой сдобы меньше, чем обычно. Айна доставала из печи новую порцию ржанных хлебов с крестообразными разрезами на горбатых спинках.

– Вернулись? – спросила она, мельком взглянув на Мавну. – Ай!

– Не обожгись. Давай помогу.

Мавна обернула руки полотенцем и ухватилась за другой конец судка, и вместе с Айной они поставили хлеба на стол.

Айна сдула со лба светлую прядку, выбившуюся из-под платка, и устало оперлась спиной о стену.

Мавна знала, что ей не терпится расспросить обо всём, что случилось ночью. Страшно представить, какие слухи успели разнестись по деревне...

Дверь в пекарскую с грохотом отворилась и ударилась о стену. Айна подпрыгнула.

– Иди и сам Расскажи всё моей сестре! Давай! Хренов сплетник.

Илар втащил в помещение Вейку – красного, пыхтящего и отчаянно упирающегося. Мавна отступила назад, и Илар швырнул Вейку так, что тот покатился по полу.

– Илар! Осторожнее!

Брат расправил плечи и скрестил руки на груди. Он запыхался и выглядел хоть и злым, но всё-таки больше потрепанным.

– Говори, – рыкнул он так грозно, что Айна неодобрительно покосилась на него и шмыгнула к столу: проверять горшки с закваской.

Вейка жалобно всхлипнул, прикрыв лицо локтем. Он так и лежал на полу, в изодранной рубаше и с кровоподтёком на щеке. Мавне стало перед ним стыдно.

– Не хнычь! – Илар шагнул вперёд, нависая над Вейкой. Тот пополз к столам, нелепо перебирая ногами в пыльных сапогах. – Вот моя сестра! Встань и говори, глядя ей в глаза, слышишь, ты...

Он схватил Вейку за грудки и рывком поднял на ноги, так что на миг его стопы оторвались от пола. Вейка был чуть ли не вдвое меньше Илара: тщедушный, низкий, с несуразными длинными руками и лицом, покрытым крупными оспинами. Он скривил рот, будто вот-вот разрыдается, и угрюмо покосился на Мавну.

– Ш-шкурка, – выдавил Вейка, и у Мавны в груди снова

стало холодно. – Ля-лягушачья.

– Ты знаешь, что это означает?.. – ахнула Мавна.

Вейка неохотно кивнул и вытер нос тыльной стороной руки.

– З-знаю. Их носят бо-болотники. Неж-жаки.

Илар торопливо тронул Айну за плечо и указал на выход. Она недовольно фыркнула, любопытно обернулась на Мавну с Вейкой, но всё-таки не стала спорить и вышла из пекарской, захватив с собой поднос с хлебами.

– Продолжай, – велел Илар.

– Ну, я ув-видел эт-того парня... Сра-азу понял, не наш-нашенский. А п-потом смотрю, шкур-ра эта... висит.

Мавна вспомнила, как впервые встретила Варде: вечером, в сумраке, у реки. Она даже не разглядела как следует его самого, какое уж там – заприметить шкурку. Да и в прошлые встречи она ничего не замечала, пока Купава не указала: смотри, мол, что-то на поясе. И то Мавне сперва казалось, что это дубовый лист. Она нахмурилась.

– Как ты его увидел? Следил за Мавной?

– Н-нет. Случайно. – Вейка быстро облизнул без того влажные губы. Под взглядом Илара он горбился, будто хотел стать ещё меньше. – На праз-зднике. От-тошёл... Ну... в к-кусты. Слы-ышу, го-голоса. Смотрю, п-прямо из-з воды вы-ылезает, ве-венки в руках в-вертит. И свет та-так упал, что я с-разу ув-видел на п-правом бок-ку у пояса ш-шкурку эту.

Илар устало провёл ладонью по лицу и медленно выдох-

нул. Мавна так и прижималась спиной к столу, не произносила ни слова – язык будто присох к нёбу, в голове стоял гулкий звон. Ей не хотелось ничего больше слушать, не хотелось, чтобы Илар продолжал задавать свои вопросы, а Вейка – отвечать. Замолчали бы лучше оба и ушли, оставили бы её в покое...

– И что с того? – фыркнул Илар. – Если я нацеплю жабую шкуру, ты тоже обзовёшь меня нежаком?

Вейка отчаянно замотал головой:

– Нет-нет-нет-нет. Ты с-свой. Тебя я з-знаю. А тот... Дух у не-его н-нечеловечес-ский. Бо-олотом от нег-го пахнет. Т-тиной и... мерт-мертвяками.

«Ничем таким от него не пахнет», – подумала Мавна, но вслух ничего не сказала.

– Мало ли от кого тут пахнет болотами! Живём не в чистом поле, сам за околицу выгляни. Ты что-то ещё знаешь. – Илар сощурился и шагнул к Вейке. Тот всхлипнул, вжимаясь в столы, и завертел головой, ища выход, но Илар встал так, что никуда не денешься: с одной стороны – горячая печь, с другой – ряды столов.

– Слышал я! – вскрикнул Вейка. – На т-торгу в пр-рошлом го-оду слышал. Гов-ворили там б-бабы, что у-упыри научи-ились людьми перек-кидываться. А чтоб вер-вернуться об-ратно в с-свой облик, нос-сят свой д-дом на с-себе. Болотники, вот, ляг-гушачьи ш-шкуры тас-скают.

– Баб. Послушал. На. Торгу. – Слова вырывались изо рта

Илара с шипящим придыханием. Мавна поняла: если она продолжит молчать, брат перестанет держать себя в руках, и что тогда будет с Вейкой, никто не знает. – Наслушался сплетен и решил испортить жизнь моей сестре?

Он медленно занёс руку. Вейка заскулил, сжался в комок, закрывая руками голову. В висках у Мавны застучало, она сделала шаг вперёд и тихо сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.